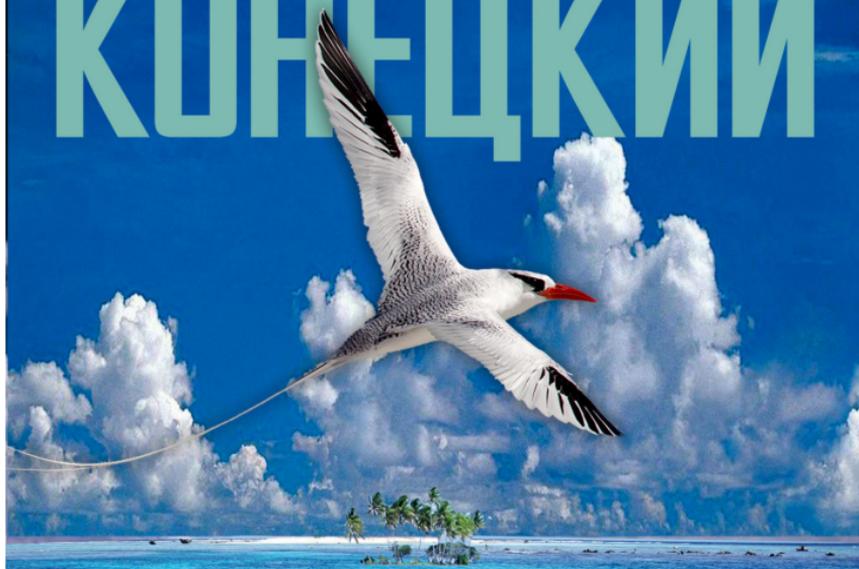

ВИКТОР КОНЕЦКИЙ

МОРСКАЯ
СЕРИЯ

МОРСКИЕ СНЫ

Виктор Викторович Конецкий
Морские сны
Серия «За Доброй Надеждой», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6284212

АСТ, Астрель;

ISBN 978-5-17-062364-8, 978-5-9725-1632-2, 978-5-17-062370-9,

978-5-9725-1633-9

Аннотация

Совмещая работу в морском флоте и литературную деятельность, Виктор Конецкий продолжил в русской литературе традиции Бунина и Паустовского и снискал любовь миллионов читателей в России и за рубежом. «Морские сны» – третья книга знаменитой путевой прозы автора. Она продолжает книги «Соленый лед» и «Среди мифов и рифов», которые позже стали частью романа-странствия «За Доброй Надеждой» в восьми книгах, который создавался с 1969 по 2000 год и в основу которого легли личные впечатления писателя от работы в морском флоте.

Содержание

Тихая жизнь	5
Остров Кокос	24
"SOS" в Индийском океане	34
Петр Ниточкин. К вопросу о матросском коварстве	76
Опять мимо Доброй Надежды и Монтевидео	90
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Виктор Конецкий

Морские сны

* * *

Тихая жизнь

15.09.69

Идем из Сингапура на архипелаг Каргадос.

Жара. Средней силы пассат – в корму слева.

Матросы мажут суриком грибки вентиляторов. Карминные пятна на белом – сильный контраст под полуденным солнцем. Матросы полуголые, в немыслимых шляпах, панاماх, и не торопятся. Никто никуда не торопится.

Пижон бродит по крыше носовой надстройки – это под окнами рулевой рубки; Пижон ищет тени, но он уже привык к жаре, он не так ищет тени, как развлечения в полуденной скуке. Изредка, чтобы показать, как ему тяжело, Пижон вывешивает язык.

Дебелый кок вылезает из бассейна на крышу надстройки, он в плавках; Пижон ему надоел. Пижон знает это и наблюдает за коком издали.

На палубе матрос Зайцев стрижет желающих под ноль. Юго-восточный пассат уносит отстриженные вихры за борт в Индийский океан. Свежеостриженные головы белеют на загоревших плечах.

С полдня моя вахта. Одну высоту Солнца я уже взял и по-

считал линию. Разность высот всего восемь десятых минуты – ясно, что мы на курсе. Мне тоже все лень и нечего делать. Я смотрю сверху на Пижона и на медленную судовую жизнь.

Хожу с крыла на крыло.

Океан и светило слепят глаза даже через темные очки. Над горизонтом – серые от жары, мутные облачка хорошей погоды. С наветренного борта волны темнее, синее, гуще; отшатываясь от борта, рождают короткие и злые радуги брызг. Облачка с противоположной солнцу стороны розоватые, мелкими клочками. Ветер прохладный, разом снимает с плеч распашонку и залезает в карманы шорт, ставит дыбом волосы. Если специально прислушаться, вдруг заметишь, что волны ударяют в борта сильно, что это крупные океанские волны. А если специально не прислушиваться, ничего не заметишь – так привык к вольному шуму, белым гребням, кольцу горизонта.

Постояв на наветренном борту, я вдруг с удовольствием чихаю. От трепыхания одежды на теле начинает зудеть кожа плеч и рук. Я перехожу на правый борт и попадаю в пекло. Здесь волны замедленные, умиротворенные, металл раскален.

На воде появляется овальное темное, четко очерченное пятно. Пятно извивается на волнах и плывет рядом с нами. Его размеры такие, как у судна, – метров сто в длину. Это тень крошечного облачка, которое повисло между нами и солнцем на высоте около километра.

Облачко отворачивает вправо, его тень начинает обгонять нас и отходить к горизонту. Отходя, оно теряет овальную форму и делается все у€же, наконец превращается в черту на воде.

Скучно. Рассматриваю локти – один ссажен и с него сходит кожа. Прихожу к выводу, что локти не самое красивое место человеческого тела. Правда, им, беднягам, достается.

Кто-то с палуб запустил бумажного голубя. Голубь высоко и стремительно взлетает, потом долго планирует и наконец расплывается на волне и исчезает.

Иду взглянуть на огород. Чахлая редиска и лук в ящиках все-таки борются за жизнь. И пожалуй, они победят.

Хочется на землю. Хочется лечь в тени деревьев на берегу реки или между двумя рядами картофельных кустов, среди шершавой и мягкой картофельной ботвы, близко видеть фиолетовые и желтенькие картофельные цветки, такие красивые, когда смотришь на них близко. И шмели вокруг...

Корма описывает над океаном эллипс – вверх-вправо-вниз-влево-вверх-вправо...

На самой корме стоит и смотрит в кильватерный след мастер. Одна нога на релинге, локти тоже. Так он будет стоять долго. Он всегда один, даже когда общается с кем-нибудь. Так мне продолжает казаться.

Захожу в штурманскую. Кондишен ледяным, погребным холодом дышит в затылок. От нечего делать листаю лоцию пролива Ла-Манш – хочу уличить Жоржа Сименона в липе.

Я прочитал его "Президента". Президент живет по точному адресу – возле маяка Антифер в селении Этрета. Меня очень интригует смелость Сименона – неужели он взял кого-нибудь из подлинных личностей за основу Президента? И как он отделялся от вопросов местных знатоков, если поселил Президента в подлинно существующем месте?

Сименон оказывается смелым человеком – я нахожу в лоции и маяк Антифер, и селение Этрета... Хорошо там сейчас, думаю я, в заливе Сены, в конце сентября, среди холмов, покрытых лесом.

Мыс Антифер – высокий и округлый, высоко вздымается над прибоем отвесной стеной меловых утесов среди темной зелени лесов. В долине, выходящей к морю, спокойно смотрят на мир окна дач Этреты, отдыхают на прибрежной гальке вытащенные на берег рыболовные суденышки, молчит старинная часовня Нотр-Дам-де-ла-Гард, а вечерами мерцает на берегу подсвеченный памятник погибшим морякам, рыбакам или воинам... И мимо всего этого тихо струит воды Сена, становясь соленой морской волной...

Я отмечаю время – 14.00, записываю отсчет лага – 78,4, отмечаю пройденное за час расстояние – 11,4 мили. Через тридцать минут можно брать второе Солнце.

Светило не грозит исчезнуть в облаках, и горизонт устойчиво четок – обычное дело, когда знать свои координаты не очень важно. А когда прижмет, солнце обязательно станет таким лохматым, как подушка, из которой вылетают перья,

или горизонт будет дымиться...

Вахта перевалила за половину. Я вспоминаю, что на пеленгаторном мостике сушится линеметательный аппарат. Тропические ливни сделали свое дело – ящик оказался на треть залитым водой. И вот теперь линии, ракеты, запалы сушатся наверху.

Поднимаюсь на пеленгаторный мостик и вижу, что мой линемет отодвинут в сторону, ракеты сложены в кучу, а на ящике лежит и загорает Эльвира – младшая буфетчица. Она лежит на животе – лифчик расстегнут и груди расплющены о подстилку. Эльвире хочется, чтобы и следа от лифчика не осталось на ее тропическом загаре.

– Я линии вытащил сохнуть, – говорю я Эльвире. – А вы что тут наделали?

– Ах, я не знала! – врет она, прикрывая с боков свои расплющенные груди, которые отлично просматриваются, потому что она вся уже черная, а груди белые и просвечивают между пальцами. Бесовские мысли возникают в моей целомудренной голове, и я покидаю Эльвиру. Бог с ней и линеметом.

Спускаясь с мостика, вижу электриков, которые заливают электролит в аккумуляторы.

По трансляции объявляют, что на банке Каргадос состоятся соревнования по ловле тунцов.

Пижон нашел грязную веревку и таскает ее по крыше надстройки, терзает под солнцем. Кто-то лениво отбирает у пса

веревку, пес лениво отдает...

И после такой мирной вахты мне почему-то снится, что я приговорен к смертной казни через повешение. И все есть во мне – обида, потому что я ее не заслужил, смертную казнь через повешение, жуть и страх неизбежной смерти, судорожные попытки найти выход и бежать, но бежать нельзя по моральным соображениям – меня стережет человек, которого нельзя подвести...

16.09.69

Ночная вахта начинается и заканчивается борьбой с эхолотом НЭЛ-5. Все тот же закон: пока плывешь на глубине в пять километров, эхолот отлично работает, потому что абсолютно никому не нужен. Но вот мы подходим к островам Каргадос, должны задеть край банки Назарет и по глубинам на этой банке опознать место.

А эхолот показывает то стада тунцов, то джунгли кораллов, то ровный асфальт строевого плаца, то есть показывает он все, что я хочу представить себе под килем нашего теплохода. Кроме истинной глубины.

По десять минут стоим мы с капитаном, уперев тупые взгляды в эхограмму, которая ползет через валик, потрескивая под искрой пробивного тока. Эхолот бастует.

Радар возьмет островок Альбатрос, на который мы выходим, оставив по корме диагональ всего Индийского океана,

в лучшем случае в десяти милях, а мы не можем нащупать глубины подхода.

Старый НЭЛ-3 был куда проще, а потому и надежнее, так считаю я. Черт с ними, с самописцами и прочим, я и без них обойдусь, если есть хороший импульс...

Так и не взяв глубины, ухожу спать.

Около восьми утра просыпаюсь от грохота якорной цепи и вибрации заднего хода.

Утро солнечное и тихое. Милях в двух желтеет узкая полоска песчаного берега островка Рафаэль, поверх песка густая и не очень зеленая шапка кустарников. И почти по всему горизонту салатно-зеленая и нежно-голубая полоса мелкой на рифах воды, а за ней, с дальней стороны островков и рифов, тянется мощная полоса белых бурунов – там расширяются волны, пригнанные юго-восточным пассатом.

Кто знает архипелаг Каргадос-Карахос? Я, например, узнал о его существовании только тогда, когда увидел английскую карту № 1881.

У многих в крови любовь к старинным картам. Я их тоже люблю. Но не тогда, когда надо вести судно по старинной карте. Невольно почешешь в затылке, когда прочтешь: "Архипелаг Каргадос-Карахос нанесен на карту сэром Эдвардом Бельчаром в 1846 году". А восточные берега рифового барьера в 1825 году обследовал лейтенант Мюдже со своими людьми на вельботе. Он проник на восточную сторону рифов с западной, так как "ни одно судно не отваживалось подойти

к рифам с мористой стороны". Лейтенант был смелым человеком и отчаянным моряком. О рифы, которые он обследовал, разбиваются волны, начавшие разбег от берегов Индонезии и Австралии. Даже в бинокль жутковато смотреть на мощные фонтаны прибоя с мористой стороны барьера.

Конечно, карту корректировали. Но и последняя корректура была в июне 1941 года. За двадцать восемь лет океан и кораллы наворотили здесь уйму неожиданного. Уже по сведениям 1944 года обнаружено много островков, не нанесенных на карту № 1881. Никаких иных карт архипелага во всем мире нет.

Архипелаг Каргадос-Карахос. Плоские и низкие островки на коралловом рифе, вытянутые с юга на север на двадцать семь миль.

Остров Фригит изобилует крысами. Остров Пол – к нему можно подойти только на местных пирогах. Остров Рафаэль – здесь растет несколько деревьев и кокосовых пальм, есть хижины и сараи. Высадка наиболее удобна на юго-восточной оконечности, сюда между осыхающими скалами, лежащими в полукабельтове к югу от острова, идет шлюпочный фарватер.

Периодически острова посещаются частной промышленной компанией с острова Маврикий, которая заготавливает здесь соленую рыбу, черепаховую кость и добывает гуано.

Приливные течения с западной стороны острова Рафаэль местами достигают большой силы, особенно течение, идущее

щее на норд.

Архипелаг принадлежит Британии, администрация – на Маврикии, до которого двести двадцать миль.

Капитан приказал мне сходить на разведку, попробовать найти людей на Рафаэле и испросить разрешение на проведение Дня здоровья. Так на официальном языке называется купание, загорание и ловля рыбы.

Прежде чем идти, я долго общался с сэром Эдвардом Бельчаром и лейтенантом Мюдже. Карту не рассматривают. В карту погружаются. И глубина погружения равна глубине твоего опыта. Бог знает, какое сцепление и мешанина мыслей, интуиции, смутных воспоминаний об аналогиях; пересчеты английских саженей на метры, напряженная попытка ощутить направления не по компасу, а мозжечком; зыбкие видения будущих реальностей за условными обозначениями – и все это без словесных формулировок. Какое-то сомнамбулическое состояние. Оно, если обстановка не торопит, может продолжаться часами. Так, вероятно, знатоки живописи погружаются в картину. И вдруг сверкнет решение: "Пойду на ост до стоящей там на якоре шхуны, она милях в полутора от Рафаэля. Ветер зюйд-ост шесть – будет в бейдевинд, волна не так заливать станет. От шхуны пойду на зюйд-вест нащупывать шлюпочный фарватер, о котором сказано в лоции. Если шхуна стоит здесь, то имеет связь с берегом. Проливчик со шлюпочным фарватером открыт с восточной стороны, значит, туда вкатывает зыбь, оставшаяся после прибой-

ных волн. Конечно, эти волны потеряли на рифах силу, но зыбь все равно будет та еще! И никаких отметок глубин сэр Бельчар здесь не оставил! Проливчик огражден осыхающими камнями, значит, и грунт – камень скорее всего. Здесь ушки держать на макушке..."

Никакой бейдевинд не помог. Вельбот заливало брызгами. Помпа, конечно, отказала сразу, как и все помпы на этом свете. Вероятно, только у Харона, который перевозит в ад покойников, никогда не отказывает помпа.

Шхуна называлась "Сайрен". Очевидно, в честь островка Сайрен, который южнее Рафаэля. Приписка шхуны – Порт-Луи, Маврикий. Ни одной живой души на палубе не было. Мертвое судно.

От нее мы пошли на проливчик. Заливать стало еще больше – ни одной сухой нитки, воды – половина вельбота. Глаза забивало брызгами, соль Индийского океана мутила зрение, очки не помогали, бинокль тоже не помогал. Да и глазеть в бинокль на летающем по волнам вельботе – бессмысленное дело. А глядеть надо было. Никаких "осыхающих скал", ограждающих проливчик, я не находил. Вместо них выплывала из воды низкая песчаная лепешка, поросшая кустиками. Сам проливчик заполняли подводные скалы, и на них вскипали буруны. Вперед видно было очень плохо, зато прозрачность воды была удивительной, на глубине метров в пятнадцать отлично видны были камни; изменение цвета воды над грунтом и камнями на разных глубинах было отчетли-

вое – от нежно-зеленого, как первый весенний листочек подснежника, до темно-грубо-синего.

В проливчик, как я и ожидал, шла крупная зыбь. Поворачиваться к ней лагом было опасно, и мы продолжали переть в буруны, надеясь, что среди них вдруг откроется щель. Так часто бывает. А часто и не бывает.

На самом малом мы ползли между бурунов на зыбь и раза два крепко стукнулись о камни. После второго раза я застопорил дизель, приказал взять отпорные крюки на упор, всех свободных послал в нос, чтобы поднять корму и сберечь винт. И вельбот, глубоко колыхаясь, подрейфовал к южной оконечности Рафаэля. До этого я остров и не видел – так поглощен был управлением неуклюжей посудинной.

И вот увидел близко деревья, пальмы, клонящиеся под ровным натиском пассата, услышал их густой шелест и вздохи древесных крон.

А мы здорово отвыкли от деревьев.

Потом увидел штук семь домиков-хижин. Между берегом и домиками стоял высокий крест из светлого камня с одной перекладиной. Правее креста метрах в ста лежали пироги, вытащенные на мелководье лагуны.

Из тени деревьев вышла группа негров, они подавали руками сигналы, напоминающие международный семафор для терпящих бедствие на берегу. Мы были уже метрах в двадцати от уреза воды, румпель задрожал в руке – руль коснулся грунта. Грунт был каменный, и я завопил: "Пошел все за

борт! Бери на руки!" Матросики с восторгом попрыгали в зыбь, вельбот облегчился, камень сменился галькой, галька – коралловым песком, и мы приехали.

Негры перестали махать конечностями, но к нам не пошли, стояли тесной группкой метрах в ста. Это была голь перекатная, несчастная и забитая.

Я припас презент – пять пачек сигарет "Новость" и альбомчик открыток с зимними видами Ленинграда. Вооружившись противогазной сумкой с дарами, прыгнул за борт и вышел из синего моря на ослепительный под солнцем коралловый песок. Деревья шумели замечательно, но от хижин попахивало дрянью.

Мужчина лет пятидесяти, обросший бородой как Робинзон Крузо, в тропической шляпе-шлеме, в рваном, но европейском одеянии пошел навстречу. Один пошел. И, не доходя шагов пять, остановился, зажестикулировал, заговорил быстро. Совместными усилиями мы разобрали "олл ил". Прибавив к этим словам жесты, мы получили дедуктивный вывод: "Здесь все люди больны заразной болезнью, уходите немедленно!"

Я сложил сигареты "Новость" и снежные виды родного города на раскаленный тропическим солнцем коралловый песок. Получилась симпатичная кучка. Робинзон облизнул усы.

"Можно?" – спросил я и показал на остров Сайрен.

Он сказал: "Олл айлендс!"

"Куда угодно, кроме Рафаэля" – так поняли мы.

И здесь я вдруг вспомнил журнал "Мир приключений".

– Проказа! – заорал я. – Пошел все в вельбот!

И мы сами не заметили, как миновали буруны, камни, проливчик. Правда, теперь нам помогали и зыбь, и попутный ветер.

Решили навестить Сайрен, что, между прочим, означает "Сирена". Пускай она споет нам свои песни, думал я. И пускай на Рафаэле не будет большой драки: если этот белый не очень крепко держит в руках свою толпу, то там, позади серого креста, между куч разлагающихся отбросов, в тени палм, при дележе презента получится крепкая потасовка.

Но это уже нас не касалось. Главное было выполнено – получено разрешение на высадку.

В лоции об острове Сайрен говорилось только, что возле берегов есть несколько подводных камней. Уже хорошо – значит, не сплошь камни.

Мы стали на якорь метрах в пятидесяти с подветренной стороны. Ближе было не подойти. Накат, как всегда возле маленьких островков в океане, почти не зависит от направления ветра. Зыбь обнимает, обходит островок.

На острове курчавился кустарник, и над ним висело плотное орущее облако – сотни тысяч птиц.

Я был достаточно глуп, чтобы стянуть с себя джинсы и рубашку. И достаточно умен, чтобы прыгнуть в воду, не снимая сандалет. За пояс плавок я засунул авоську – для морских

ценностей. Но я, конечно, не ожидал, что ценностей окажется столько.

Едва вылез из прибоя, разбив колено о камень, едва отфыркался от соли и очухался от неистовых птичьих криков, едва глаза привыкли к слепящему сиянию раскаленного песка, как я увидел, что это вовсе не песок. Миллионы ракушек, кусочки кораллов, окаменевших морских ежей, звезд, панцирей, скелетов. Волна, смачивая раковины, заставляла их сверкать всеми цветами и оттенками.

И буйная, сумасшедшая жадность охватила меня. Я бросился хватать подряд все раковины и кораллы, совать их в авоську, как тот мерзавец, который пробрался в пещеру Али-Бабы и растерялся среди безмерных сокровищ.

Весь остров Сирены я с наслаждением погрузил бы в трюм. Вернее, береговую полосу, потому что за нее ступить было невозможно: птенцы, едва начавшие ползать, птенцы неподвижные еще, только тарачившие ясные черные глазенки, яйца в ямках, мамы и папы, недвижно и жертвенно сидящие на гнездах, – ступить в глубину острова невозможно было и на один шаг. Но я туда и не стремился, хватал раковины, выдергивал из земли ползучие странные растения, чтобы растить их в каюте. Кротом рылся в береговом откосе, выворачивал пудовый коралловый остов, бросал его... Я был в пещере Али-Бабы; но сколько утянешь сокровищ, если с ними надо проплыть сквозь океанский накат полсотни метров?

И все, кто здесь был, как я, в первый раз, вели себя аналогично. Наконец я пришел в себя и просто зашагал вокруг Сирены, беспощадно обгорая на солнце. И я понимал, что сторю на корню, но, черт возьми, говорил я птицам, а вдруг никогда больше не попадешь к вам сюда? А ведь плаваем мы, возможно, ради таких вот нескольких минут чужого, прекрасного мира; ради шума прибоя в рифах и бегущего в воду краба; ради свидания с теплыми и сочными прибрежными растениями с их зеленоватыми зонтичными странными цветами; ради скользящей тени большой хищной рыбы в близких волнах; ради видения индийски-океанского мира вокруг...

"Не счесть жемчужин в море полуденном..."

Теперь не только песня Варяжского гостя стала зрима мне. С мористой стороны островка океан гремел Бетховеном. И как у Рубенса на картине "Союз Земли и Воды", возвещая о благодатном и мощном союзе стихий, трубил в раковину небес Тритон.

Недаром Аллах, создавая в раю лошадь для Адама, дал ей одно крыло из жемчуга, а другое из кораллов.

И, как всегда, обидно было, что близкие тебе люди не видят всей этой красоты. Жадность к океанским богатствам была так остра еще и потому, что в каждой раковине и в куске коралла хотелось привезти с собой в зимний Ленин-

град частицу этого блистающего мира, ибо никакими словами или фотографиями не выразить влажной тяжести раковины, ее перламутровой, жемчужной гладкости внутри и морщинистой поверхности, не передать вкуса соли и силу солнца, которые создали чудо коралла.

Пижон был взят на вельбот и был протасен сквозь прибой. Он ошалел от твердого берега, птиц, шелеста кустов. Он носился вокруг нас, боясь отбежать дальше десяти шагов, мокрый, радостный, наглотавшийся соленой воды, ничего не понимающий после недавней качки вельбота и чада дизеля. Да, вряд ли хоть один пес поверит Пижону, когда в старости он будет трепаться о своих морских приключениях.

Матросы ныряли с масками и ластами, доставали со дна живых огромных каракул, смертельной хваткой сжимающих створки, быстро сохнувших и сереющих на ветру и солнце. (Может быть, тридакны? Но всех моллюсков матросы зовут одинаково – каракулами.) Ловили плоских, серебряных, холодных незнакомых рыб с тремя черными пятнами на боку, такими четкими и аккуратными, как у индийских женщин на лбу.

Но все уже устали и оступели от впечатлений. А я еще побаивался акул. Их видели близко. И мне не хотелось, чтобы кто-нибудь из ныряльщиков остался без ноги.

Выбрали якорь и с попутной волной побежали на судно. А Пижон, опять вымокший во время доставки на вельбот, опять нахлебавшийся соленой воды, бесстрашно смотрел на

удаляющийся прибой. Он показал себя существом пренебрежительного мужества, быстро забывающим пережитый страх, готовым повторить все сначала, хотя в воде он не выглядел героем и выпучивал глаза почище краба...

19.09.69

Якорные вахты спокойные. Ночью читал статью Томаса Манна "Анна Каренина".

Манн думал о ней, глядя в прибой, на берегу Балтийского моря.

Могучая сила наката возбуждала в его душе почтительное волнение, первозданную нежность, чувство приобщения к вечной стихии.

Он сидел на пляже, укутав ноги пледом, глядел на море, прибой, облака и думал об Анне Карениной. Он специально выбрал это место, потому что с детства чувствовал духовное родство с морем и эпосом. Море и эпос – две стихии, одна из них – образ и подобие другой, – так он ощущал и думал.

Падали и падали на равнодушный песок накатные волны, грохотали их мокрые тела, разбиваясь в пыль, и плавно рождались вновь. Корявые от ветров сосны цеплялись жилистыми корнями за дюны.

Старый немец писал на влажных от морского дыхания страницах.

Незримой сидела близко от него прекрасная женщина Ан-

на, придерживая шляпу. Слепой грек, родившийся на северных берегах далекого Черного моря, трогал струны в такт волнам, он тоже был здесь.

Старый немец писал: "Эпическая стихия с ее величавыми просторами, с ее привкусом свежести и жизненной силы, с вольным и размеренным дыханием ее ритма, с ее однообразием, которое никогда не наскучит, – как она сродни морю, как море сродни ей! Я имею здесь в виду гомеровскую стихию, древнее, как мир, искусство повествования, тесно связанное с природой, во всем его наивном величии, во всей его телесности и предметности, непреходящее здоровое начало, непреходящий реализм. В этом – сила Толстого, сила, которой не обладал в такой мере ни один эпический художник нового времени, сила, которая отличает его гений – если не по масштабу, то, во всяком случае, по самой сути, – от болезненного величия Достоевского с его надрывом, с его гротескно-апокалипсическими картинами..."

А где-то в двух милях от меня, в черной тропической ночи на острове с красивым названием Рафаэль, спят и медленно умирают десятка два несчастных людей. Под бортом в свете траповой люстры ходят пять рыб-игл. По корме горят огни "Боровичей" – это наш космический близнец и побратим. Мы с ним одной судьбы, одной крови.

Болят обжаренная кожа.

Опять о надстройке разбиваются птицы. Я наконец понял, почему они не способны взлететь с палубы. Они не мо-

гут взлететь вертикально, им нужна взлетная дорожка, разбег по воде.

Я подошел к одной, она забилась, от страха отрыгнула что-то белое, что, вероятно, несла детенышам. Я не решился взять ее в руки. Даже курицу мне неприятно брать в руки. Трепыхание живого в руках жутко мне с детства. Это касается и рыб. Но это и не страх, что живое укусит, главное в чем-то другом...

Остров Кокос

...Низкий, 2,5 мили в длину, лишен растительности, и только в средней части его есть пальмы, растущие двумя группами, между которыми стоит одиночная пальма.

Лоция Индийского океана

Доктор упрекнул меня в том, что я мало и неправильно загораю.

К этому времени я уже знал, что я не змея. Змея разом вылезает из старой кожи, а у меня этот процесс после поездки на Сайрен проходил мучительно медленно.

Сам доктор сбрил волосы на голове, потому что ультрафиолетовые лучи не проходят якобы через шерсть. Тут я и прочитал ему краткую научную лекцию.

– Доктор, вы когда-нибудь видели тигра, который загорал бы, сняв шкуру? Если ультрафиолетовые лучи действительно не проходят сквозь шерсть, то вы нигде и никогда не смогли бы купить меховую шубу. Как вам известно, волосатые животные не бреются, они сплошь покрыты шерстью. И даже наша ближайшая родственница обезьяна имеет обнаженным только одно место. То самое место, которое редко кто из людей показывает солнцу. И это место, короче говоря зад, плевать хотело на солнце. Оно проводит жизнь в крошечной темноте и отлично там себя чувствует. В этом отноше-

нии оно схоже с летучими мышами. Они тоже всегда живут в темноте. Если бы пушные звери испытывали необходимость в загаре, они в процессе эволюции избавились бы от шерсти. И вы остались бы без мехового воротника. Читайте Дарвина, док!

И я прыгнул за борт вельбота в рубашке, штанах, сандалях и коричневой французской кепке, под которую я сунул курево и спички. И поплыл на остров Кокос.

– Вы плаваете, как летучая мышь, – заорал он мне вслед.

Ну что ж, я оставил за ним последнее слово. Мне хотелось быть одному. Одному на Земле.

Берег острова оказался из обыкновенного, только очень мелкого песка. Идеальный пляж. Не скоро еще здесь поставят зонтики и будки для переодевания.

За пляжем был маленький обрывчик. Я влез на него. Заросли кустарников, пальмы, и под ногами плотный зеленый мат из ползучих растений и трав. И запах нагретых солнцем растений, оранжерейный. Пассат не может пробиться сквозь заросли и унести этот запах.

Я пошел в глубь острова. Тишина зноя была вокруг. И крики птиц не нарушали знойной тишины. И жужжание бесчисленных мух тоже не нарушало тишины. Как будто не существовало рядом океана с его вечным гулом. И только когда ступал на высохшую ветку, ее треск грохал выстрелом. Ветки казались, конечно, гадами. И скоро стало неудобно от непривычности окружающего островного мира. Здесь лег-

ко было представить себя потерпевшим бедствие. Вот я выбрался на этот островок, выполз из прибоя, один, товарищи погибли, тишина гробовая, хотя жужжат мухи, шелестят вершины пальм. Все отчужденное, как лес в записках моего сумасшедшего, все живет само по себе, не обращает на тебя внимания; а что тут живет, ты не знаешь, кто выйдет или выползет из кустов, почему они шевельнулись?

И в то же время какая-то мягкость, умиротворение, ласка и нежность касались души. Вечная душевная судорога от сознания своих обязанностей, сложностей в отношениях с людьми, усталости, тоски по родному слабела. Жизнь Земли была так густа на этом крохотном островке.

Я вышел на противоположную сторону, увидел лагуну, отделенную от океанского простора бурунами рифов, увидел огромный позвонок с обломками ребер какого-то морского чудовища, выбеленные солнцем, окаменевшие раковины, и ветер сразу высушил на мне одежду.

Я сел на позвонок и закурил. Мне хотелось этот огромный позвонок увезти с собой, как когда-то на острове Вайгач хотелось украсть щенка – будущего вожака.

В блокадном бомбоубежище, в замерзшем городе я читал журналы с красными обложками "Мир приключений". И рассказы из этих журналов я помню лучше, чем блокаду. Быть может, потому, что ее я вспоминать не люблю.

...Капитан старой галоши в южных морях, у него слабеет зрение, надо поворачивать у островка с тремя пальмами, он

их не видит, спрашивает стюарда... Галоша напарывается на рифы, тонет, пар булькает в котлах, капитан не уходит с мостика, шепчет, вцепившись в релинги: "Ну, сейчас, уже скоро, тебе немного осталось мучиться, сейчас станет тихо..." Он шепчет это своей старой галоше, он плачет от жалости к ней и тонет вместе с судном.

...Белый плантатор в джунглях юго-восточной Азии. Сумасшедшее одиночество. Плантатор замечает, что цветной слуга иногда исчезает. От скуки хочет выследить его, но высоко в горах, в чаще джунглей наталкивается на завал, из завала глядит ему в лоб винчестер. На прекрасном английском языке доносится: "Еще один шаг – и я стреляю!" Так плантатор узнает, что на горе живет прокаженный... Черная, душная, тропическая ночь, предгрозовая тяжесть и одиночество в ней. И плантатор представляет, в каком совсем ужасном одиночестве тот человек на горе, берет фонарь и начинает показывать вспышки в крошечном мраке. И ему отвечает вспышка... Они преодолели одиночество, они уже вдвоем в этом мире.

Я сидел среди экзотики и думал об авторах этих рассказов. Их имена люди давно забыли. Наверное, это были очень средние писатели. Но и средний писатель может написать рассказ, который несколько десятков лет сохраняется в памяти человека, если писатель знает то, о чем пишет. Забытые авторы "Мира приключений" знали. Сквозь призму их рассказов глядел я на чужой мир.

Вернусь, думал я, пойду в Публичку, возьму журналы, перечитаю, составлю сборник забытых рассказов, верну к жизни имена давно умерших людей, напишу к сборнику предисловие – у меня хорошее получится предисловие. И на том свете вся компания авторов сборника явится в ад, чтобы поблагодарить меня и смазать кокосовым маслом мою скорородку. И вдруг подумал: а если рассказы окажутся ерундой собачьей? Ведь я потеряю тогда многое, и безвозвратно! Опасно возвращаться в прошлое.

И все-таки я умудряюсь вернуться в прошлое.

Я лезу на кокосовую пальму.

Метрах в двух от земли я понимаю, что уже не отрок. Правда, усвоенные в детстве приемы карабканья по карагачам и тополям вспоминаются с неожиданной четкостью и помогают двигаться вверх по шершавому, уступчатому стволу пальмы.

Пот заликает глаза, очень жалко штанов, купленных на Канарских островах, некогда белоснежных джинсов, но гроздь кокосовых орехов стоит джинсов – так утешаю я себя. Конечно, кокосовые орехи можно купить, совсем не обязательно самому карабкаться на пальму, но ведь в том-то и главная ценность будущего трофея, что я сам к нему добрался и сам сорвал.

Пальма обдирает живот даже сквозь рубашку, а я знаю, что при спуске живот страдает куда сильнее, не говоря о том, что, спускаясь, устаешь в два раза больше, нежели при

подъеме. Но я продолжаю обнимать горячий ствол кокосовой пальмы.

Я уже выше зарослей кустарников, выше птиц, густо усеявших ветки кустарников. Все шире распахивается ширь океана. Я уже вижу белые точки родного "Невеля" и "Боровичей" на горизонте, бирюзовую воду и пену прибойной волны.

Сердце отчаянно стучит в серый горячий ствол. Далекое будет отсюда падать. Мухи сопровождают меня и на высоте, мерзкие мелкие мухи, липнущие к мокрому телу.

Еще немного, и можно вцепиться в нижний лист. Интересно, крепкие это листья или полетишь с ними вместе на птенцов и на пики кустарников?

Я пропихиваю себя в гущу шершавого коричнево-зеленого переплетения, упираюсь наконец коленкой в какой-то куцый, как кочерыжка, отросток и передыхаю среди мерного, отчужденного шелеста пальмовых листьев.

Вот они – орехи. Трясущейся от перенапряжения рукой дотягиваюсь до грозди. Как она тяжела – девять орехов, каждый килограмма по два.

Изворачиваюсь и так и этак, чтобы обломать гроздь. Забираюсь еще выше, чтобы пустить в дело ноги, но начинаю понимать, что затея обречена на неудачу. Внутри ветки как будто спрятан добротный манильский трос. А трос не поломаешь, его надо рубить. Рубить нечем. Зря я вишу здесь, распятый на веере пальмовых листьев. Болван. Разве могла

бы пальма удержать среди океанских ветров такие тяжелые, огромные плоды на хрупкой ветке? Нет, конечно. И следовало бы подумать об этом на земле.

Будь неладен нож, купленный в керосиновой лавке на Петроградской стороне. Нож безнадежно заржавел после первого купания в соленой воде. И я не взял его на остров Кокос.

Сползаю по горячему стройному телу пальмы, обдирая дальше живот и запястья. Когда же наконец земля, черт побери!

Птицы и мухи кружатся вокруг и издеваются. Боже, во что превратились джинсы! И как красиво, безмятежно покачиваются девять кокосовых орехов на высоте девяти метров, среди коричнево-зеленого переплетения пальмовых листьев.

Долго сижу на корточках, курю. Раскаленные кусты пахнут терпко и странно, немного дурманят. Да, давно я не занимался физкультурой. Сердце молотит, во рту сухо. Но я не собираюсь сдаваться.

Шагах в пятидесяти растет другая пальма, толстушка и коротышка. До орехов не больше трех моих ростов. А в траве я обнаруживаю кусок ржавого железа неизвестного происхождения. Сую в задний карман и атакую коротышку.

Добравшись до листьев, устраиваюсь удобно. Прямо перед глазами колышутся желтые фонтаны пальмовых цветов, нежные завязи, молоденькие орешки, похожие на желуди. Из центра кроны торчит чрезвычайно соблазнительная штука –

свернутый будущий пальмовый лист с острым концом, размером в добрый метр.

Я начинаю терзать пальму с этого будущего листа. Кручу, верчу, гну, пилю ржавой железкой. Я готов грызть его зубами. Он так туго запеленат сам в себя, в нем так много внутренней живой силы, он весь литой, как металл в чушках, – его обязательно надо повесить на стенке в каюте.

И вдруг из гнезда, где крепится лист, вырывается армия муравьев, крохотных и стремительных. Все прочитанное о термитах и тропических муравьях, на съедение которым кидают неудачливых путешественников, о глиняных горшках, набитых муравьями и надетых на руки туземных юношей, сдающих экзамен на звание воина, – сведения из "Мира приключений", – все это проносится в моем уже изрядно перегретом мозгу. Муравьи облепили рубаху, сотнями тонут в поту на коже, и я остро чувствую могучее земное притяжение. Внутренним взором я вижу белый и чистый скелет, аккуратно объединенный муравьями, висящий среди кокосов. Еще я предчувствую, что в ближайшие секунды насекомые доберутся до всех моих наиболее уязвимых мест, и тогда скипидар покажется мне шампунем. И в то же время я не могу бежать, пока не оторву чего-нибудь от пальмы – на память. Это желание сильнее страха и усталости.

И я вырываю три больших ореха и ветку пальмовых цветов.

Я весь покрыт муравьями. Скатываюсь вниз, долго встря-

хиваюсь, как собака. Зализываю ссадины на запястьях.

Эти вечные плавные поклоны пальм, колыхание их вершин – как гипнотические пассы. И куда девались попутчики? Почему не слышно голосов?

Я один на этом острове. Я хотел быть один. И я один.

Сгибаясь под тяжестью трофеев, бреду к месту высадки. Пот заливает глаза. Мухи электронным облаком вертятся вокруг головы.

Натыкаюсь на хижину. Незакрытая дверь покачивается на петлях. Жестяной навес и заплывшие грязью бутылки. Несколько непонятных знаков, намалеванных смолой или углем на стене хижины. Тишина покинутости. Запах гниющего жилья. Площадка перед хижинкой поросла травой – давно тут никто не был. Хлипкая, нищенская хижина – неудачники и горемыки жили в ней, соленым был их хлеб. Остатки узкоколейки к берегу – что по ней возили? Гуано? Но его мало здесь...

Покинутое человеческое жилье жутко тем, что вдруг в нем кто-нибудь окажется. Я не заглядываю в хижину.

Слава богу – впереди слышится веселая ругань. На полянке матросы возятся с орехами, колупают их финками. Прощай, одиночество. Ты, конечно, необходимо, но все должно быть в строгой пропорции.

Прощай и остров Кокос. Чрезвычайно мало шансов еще раз ступить под сень твоих отчужденных пальм.

Читал Стендаля. Умный и далеко не сентиментальный,

Бейль готов был, обливаясь слезами, поцеловать руку Байрону за "Лору"! А насколько Стендаль сегодня кажется современнее Байрона...

И почему-то вспомнился Пьер Лоти. Его "Исландский рыбак" и "История спаги". Отличные книги. А у нас забыт и считается бульварным. Он ближе мне, нежели Конрад. Он более трагичен под слоем экзотики и, как ни странно, кажется более достоверным.

Мы продолжаем стоять на якоре и ловить рыб.

Красота тропических рыб не может быть описана пером. Все цвета спектра, взятые в той чистоте тонов, которые видишь на срезе зеркала или на уроке физики, когда учитель в солнечном, весеннем классе говорит, что спрашивать сегодня не будет, а покажет опыт. Уже от первых слов учителя ты испытываешь наплыв жеребьячьего восторга, радости бытия и безоблачности впереди – до самых восьмидесяти лет. И тут учитель подбавляет вам радости: белый луч с традиционно пляшущими пылинками втыкается в призму и взрывается гремящими красками спектра. Вот такое переживание вызывает красота тропических рыб.

Мы не знаем их названий. И нет атласа промысловых рыб Индийского океана. Мы считаем ядовитыми тех, которые не имеют чешуи. Остальные идут в котел. До этого они плавают в рабочей шлюпке, прячутся от солнца в тень под банками. Мне, конечно, жалко их.

"SOS" в Индийском океане

1. *Аргус, прозванный Паноптес, т. е. всевидящий, – сын Агенора или Инаха, по преданию, многоглавый великан, поборовший чудовищного быка, опустошавшего Аркадию. Он задушил тоже змею Эхидну, дочь Земли и Тартара. Гера превратила его в павлина и разукрасила его глазами павлиний хвост. Первоначально многоглазый Аргус означал звездное небо. Миф Аргуса часто изображался на вазах и на помпейской стенной живописи.*

2. *Аргус – вид фазана, с чрезвычайно длинным хвостом, водящийся в Малакке и на острове Борнео. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*

"Аргус" – название крупнейшей международной морской страховой компании.

04.10.69

Спал после ночной вахты.

Из динамика проскрипел голос старпома: "Электромеханику срочно в машину! Электромеханику срочно в машину!"

Я открыл глаза и полежал, раздумывая, что могло слу-

читься.

Ритм вибрации динамо изменился, потом динамо вообще тихонько заглохло. И умолк шум воздуха в соплах кондишена.

Стало тревожно на душе. Отчетливо вспомнилось, как лет пятнадцать назад в поселке Дровяное на Кольском заливе вот так же сбавило обороты и вырубилось динамо на аварийно-спасательном судне "Водолаз". Я дежурил по кораблю. И когда спустился в машину и прошел в котельное отделение, то увидел плачущего кочегара Амелькина. Он заснул на вахте, упустил воду и сжег котел. А мы стояли в получасовой готовности и были единственным спасательным кораблем на весь Северный флот.

Амелькина судили показательным судом, получил он десять лет. Чем отделались остальные, и не помню. Сам отделался легким испугом. Но с тех пор полная тишина на судне всегда будит в душе страх.

Я влез в шорты и поднялся в штурманскую рубку. На карте островов Каргадос-Карахос лежали две радиограммы.

"Всем судам: советское спасательное судно "Аргус" сел на рифы Рафаэль широта 16.50 южная долгота 59.40 восточная требуется срочная помощь тчк все суда просим сообщить возможность ее оказания. Директор-маринер острова Маврикий".

"Радиоаварийная Владивосток. Последний раз слышали сигналы SOS шлюпочной радиостанции "Аргуса" 06.44

МСК указал свои координаты широта 16.50 южная долгота 59.40 восточная наши вызовы не отвечает 09.00 МСК буду указанной точке радар наблюдаю группу судов экипаже "Аргуса" пока сведений нет. Капитан т/х "Владимир Короленко".

Под радиограммами на карте 1881 было написано о лейтенанте Мюдже и его людях: "...они проникли сюда через рифы с западной стороны, так как ни одно судно не отважилось подойти с мористой стороны..."

– Что будете делать? – осторожно спросил я Георгия Васильевича.

Капитан расхаживал по мостику взад-вперед и имел явно недовольный вид.

– Что делать, если какой-то дурак разваливается на рифах? Приказал экстренно готовить машину. Механики оттабанили, и динамо вырубилось. Доклада жду.

Ну вот, подумал я. Через сто сорок четыре года нашлось все-таки судно, которое отважилось подойти к этим рифам с мористой стороны. Как они не услышали гула прибоя? Как не увидели белой полосы наката впереди?

– Чиф успел запеленговать их SOS. Пеленг лег так, – показал капитан. – Возле островка Мейперт. Правда, SOS был очень слабый. Очевидно, работала аварийная рация и сядились аккумуляторы. Или работала шлюпочная рация, то есть они уже покинули судно.

Координаты, которые дал "Аргус", были далеки от пелен-

га.

– А сторону передатчика успели определить?

– Да. Он к востоку от нас.

– От них там должно остаться одно месиво, – сказал я.

– Посмотрим. Какая видимость была ночью на вашей вахте?

– Хорошая. Небольшая облачность.

– Зарева ракет не видели на облаках?

– Нет. И, честно говоря, я не очень разглядывал облака.

– Чего встали раньше времени?

– Динамо вырубилось – я и встал.

Он вышел на крыло, сунул руки в карманы шорт, спел:

Мать родная тебе не изменит,

А изменит простор голубой...

У него приятный голос, и, главное, когда он напевал, у него получалось настроение. Он умел передавать настроение, скрытое в словах и простой мелодии.

На семнадцати градусах южной широты солнце быстро поднимается над океаном. Оно поднималось над бледной полосой прибоя на рифовом барьере. Мир был вокруг. Океан блистал. В тишине раздался глухой взрыв. Здоровенная заглушка врезалась в фальшборт рядом с капитаном.

Капитан сохранил спокойствие и только кротко заметил, что если бы выхлопная труба не дала промаха, то ему, Геор-

гию Васильевичу Семенову, была бы труба.

– Позвоните в машину, – приказал он. – Узнайте, что там еще случилось.

Вообще-то нам обоим было ясно, что впопыхах механики, запуская дизель-динамо, забыли открыть заглушку выхлопной трубы. В тропиках дыры надо обязательно закрывать – тропические ливни.

– В машине, – сказал я в телефон. – Чем это вы стреляете? Капитана чуть не убили.

– Чего-нибудь вылетело? – спросили из машины.

– Да.

– Это окунь, – сказали из машины. – Его электрики коптить повесили в выхлопные газы. Мы динамо запустили, окунь и вылетел. Под напором газов.

– Георгий Васильевич, – доложил я. – Это копченым окунем вас чуть не прихлопнуло.

– Ясно, – кротко сказал капитан. И приказал: – Сходите к радистам. Может, у них радиоперехваты есть. Дальневосточник "Короленко" к ним идет. Раньше "Тикси" их на буксире тащил. Тоже полным возвращается.

Начрации и радист Саня сидели в напряженных позах, вылавливали из эфира обрывки разговоров других судов. Обрывки ни в какую картину не складывались: "...т/х "Тикси" неизвестным причинам на связь не выходит... слежу всех судовых частотах... предполагаемые координаты места посадки "Аргуса"... полагаю подойти... вашей просьбы будет

достаточно... "Аргус" не отвечает... последнее сообщение было в адрес Москвы: оставляем судно... имеем РДО т/х "Тикси" не на св..."

Начрации сунул мне бланк радиограммы.

– Передай мастеру. "Тикси" давала на Владивосток.

"Радиоаварийная ВЛДВ. Ваш 642 зпт 646 обратился запросом директору навигации острова Маврикий просьбой высылки спасателя зпт вертолетов снятия экипажа "Аргуса" тчк получил ответ Маврикии нет вертолетов тчк еще раз обратился просьбой немедленной высылки спасения экипажа любых средств способных быстро оказать помощь тчк 647 связь "Короленко" поддерживаем он 09.00 московского должен быть месте аварии при получении ясности информирую незамедлительно тчк капитан "Тикси"".

Я передал радиограмму капитану и спустился в каюту. По современному морскому закону, если ты не на вахте, то можешь быть свободным. Что бы ни происходило – не твое дело. Если тебя вызовут на мостик, значит, ты нужен. Если не вызывают – занимайся чем хочешь.

Было неприятно, что ночью не сработала интуиция. В пятнадцати милях произошло несчастье, а я не почувствовал его. Телепатия отказала. Она много раз выручала меня, эта телепатия. Особенно при неожиданном сближении со встречным судном. Как будто кто-то толкнет в затылок: "Возьми бинокль!"

Морскую интуицию я объясняю обыкновенной физикой. Любое судно окружено магнитным полем, даже если оно прошло размагничивание по всем правилам, и гравитационным полем. И это поле воздействует на тренированный мозг. И ты вдруг стопоришь машину или включаешь радар. Все очень просто.

Сажу без дела в каюте, думаю о чем придется, а близко погибло судно, четыре десятка людей океан превращает на рифах в лохмотья. Жизнь дает мне сюжет, размышлял я, глядя на сохнувшие кокосовые орехи и желтые ветки пальм. Надо будет забрать у радистов копии всех радиограмм.

И поднялся в рубку.

Вахтенный третий штурман стирал с карт старую прокладку.

– Новое есть? – спросил я.

– Начальник во Владивостоке решил, что мы его подчиненные, – сказал Женя. – Командует. Он не знает, что над нами властвуют небесные светила и сам Папанин. Смотри РДО.

"Владивостока.

Аварийная пять пунктов.

Копия Москва Грузинскому.

Старшим капитаном спасательной операции назначается км "Владимир Короленко" Полунин, которому определить участки островов Каргадос, Рафаэль между судами "Тикси", "Боровичи", "Невель". Максимально используйте

светлое время суток обнаружения экипажа "Аргуса". Случае безрезультатных поисков км Полунину направить одно судно галсами от южной оконечности Каргадос на восток связи возможностью уноса шлюпки сильным восточным течением. Км "Боровичи" "Невель" обязываю принять участие поиске спасения, дать полную консультацию капитанам участвующим операции судов о течениях навигационных особенностях. Проявляйте определенную осмотрительность осторожность плавания этом рифовом неизученном районе ЧМ Бянкин".

Автору радиограммы, очевидно, казалось, что остров Рафаэль и острова Каргадос – разные вещи. А Рафаэль входит в Каргадос, как виноградина в гроздь. И "обязывать" нас принять участие он права не имел. Нами командовал дважды герой Папанин из Москвы. И мудрое распоряжение рыскать галсами по направлению восточного течения было слишком очевидным, чтобы засорять эфир лишними словами. А предложение капитану "Короленко" "разделить" острова между всеми нами было обыкновенным бредом. Там островов – кот наплакал. Там сплошной барьерный риф и отмели.

Но надо, конечно, взять в расчет, что между нами и ЧМ Бянкиным по прямой было около шести тысяч километров. Эта прямая секла половину Индийского океана, Цейлон, Бенгальский залив, весь сражающийся Индокитай, сам Китай, Желтое и Японское моря. Детали с такого расстояния видны плохо, а командовать начальство должно, иначе оно

не будет начальством.

Из машины позвонили о готовности. Я вернулся в каюту. Старая мудрая "Эрика", купленная на первый в жизни гонорар, покрасневшая от ржавчины, прошедшая со мной по всем возможным океанам, спокойно смотрела на хозяина со стола. Она готова была вильнуть хвостом, если бы он у нее был. Она – мой верный пес. Она предлагала сесть за клавиши и оставить что-нибудь на память потомкам.

Погромыхивала якорная цепь. Я хорошо слышал ее, потому что открыл окно.

* * *

09 ч. 05 м. Снялись. Огибаем остров Кокос с юго-запада. Данные аварийным судном координаты не соответствуют действительным, так как мы уже возле них, а океан пуст. Очевидно, они сели севернее, ближе к Рафаэлю, а шлюпка будет пытаться обогнуть рифы еще севернее, если у нас есть какая-нибудь свобода маневра. В радар видно два судна. Очевидно, "Короленко" и снявшиеся раньше нас с якоря "Боровичи". Будем обходить архипелаг с юга на север вдоль рифов. В самый неподходящий момент судовой пес Пижон вылез на носовую надстройку и, как всегда стеснительно оглядываясь в сторону мостика, пописал на вентилятор, подняв по всем правилам ногу, что он из-за качки далеко не всегда может делать.

Ветер юго-восточный 6–7, зыбь по ветру, видимость хорошая, легкая дымка по горизонту. У рифов очень большой накат. Остается непонятным, как они его не увидели и не услышали.

09 ч. 30 м. Идем вокруг архипелага цугом, один за другим на видимости друг у друга: "Боровичи", "Короленко", мы. Главное в том, что все капитаны боятся приближаться к коралловому барьеру ближе пяти миль, так как острова на карте указаны приближенно и нет достоверных глубин. Все опасаются заходить за стометровую изобату, а на расстоянии в пять миль мы все равно ни черта не увидим ни в локатор, ни в бинокли. Если шлюпка "Аргуса" не смогла выгрести на ветер, к востоку, и попала в буруны, вряд ли кто сейчас еще жив. Быть может, SOS давала автоматическая рация без людей. Идем малым.

Самое интересное, что нет в нас волнения, никто пока не осознает несчастья. И я вот спускаюсь в каюту, чтобы печатать эти строчки, и борюсь с желанием лечь и вздремнуть перед вахтой.

В 11 часов "Короленко" дал радиограмму: "Подошел месту аварии "Аргуса" широта 16.35 южная долгота 59.42 восточная. Восточной кромке рифов сильный прибой подойти борту невозможно. Лагуне за рифами бот с экипажем. Передали светом светограмму. Снимать будем западного берега. Вероятно поняли. Бот парусом пошел западную кромку рифов. Связи ними не имеем подробности пока сообщить не

могу. Следуя западной кромке. Км Полуниин".

Эту радиограмму перехватили наши радисты. Показалась подозрительной фраза: "Бот парусом пошел западную кромку рифов". На современных спасательных вельботах под парусом никуда не пойдешь, а уж лавировать под аварийным парусом в лагуне среди рифов – чистая фантастика.

– "Короленко", я – "Невель", какого цвета видите парус? Почему считаете бот принадлежащим "Аргусу"?

– Парус белый.

– Треугольный?

– Да.

– На спасательных вельботах парус оранжевый. Вы, очевидно, видели парус местных рыбаков. Они здесь иногда шастают в лагуне на пирогах.

"Короленко" задумчиво чесал в затылке. Поторопились они с радиограммой. Сотни людей в Москве, Владивостоке, на судах в океане вздохнули с надеждой: моряки "Аргуса" живы, на боте, в тихой лагуне.

Но дело в том, что только Нептун пока знал истину – какой бот или пирога, какие люди на нем и сколько их.

Воодушевленные сообщением о боте с экипажем "Аргуса" в лагуне, Москва и Владивосток щедро посылали целевые указания, советы и приказания сыпались как из мешка. В дело вступил замминистра Морского флота СССР. Он дал "Короленко" аварийную: "Своих действиях, результатах информируйте советского посла Маврикии Порт-Луи Рослав-

цева. Случае необходимости обращайтесь к нему за помощью. Сообщите все ли люди "Аргуса" на боте. Дальнейшем информируйте каждые четыре часа".

"SOS, три пункта. Приказу ГУМОРА Афанасьева доклада выше (читай: правительству) необходима ваша регулярная информация положения дел спасения экипажа "Аргуса". Обязываю каждый час информировать обстановку погоде принимаемых решениях. Ваша задача до темноты взять борт экипаж "Аргуса" любыми средствами вашего судна или средствами экспедиционных судов. Сообщите как усматривается "Аргус"".

"Владивосток тчк Аварийная тчк Три пункта тчк Учитывая опасность зпт неизвестность района западу островов зпт отсутствие пособий съемку экипажа "Аргуса" обеспечьте одним из экспедиционных судов имеющих меньшую осадку зпт более знакомым данным районом тчк Приготовьтесь приему экипажа "Аргуса" зпт размещению зпт возможному оказанию медпомощи тчк Плавании проявляйте осторожность тчк Бянкин тчк".

После этого чуткого совета в эфире наступила тишина. И в этой тишине мы шли полным ходом, оставляя в приличном удалении с правого борта островки с чарующими названиями: Кокос, Авокейт, Жемчужный...

Следует сказать, что последняя радиограмма была вручена капитану и зачитана им вслух во время обеда в кают-компании. Старпом расщедрился на ананасы. Мы сосали ана-

насы и слушали о том, что нам следует проявлять осторожность.

Без пяти полдень я сел у приемника в трансляционной будке, чтобы в сто девятый раз за рейс взять поправку хронометра. Потом принял вахту.

В бинокль уже видны были пальмы Рафаэля. И рыболовная шхуна, стоящая на якоре правее острова.

"Короленко", как и положено такому честному писателю, борцу за справедливость и вообще гуманитарии, еще раз подошел к месту аварии "Аргуса".

Белые паруса вместо оранжевых на боте в лагуне терзали совесть его капитана. И км Полунин продемонстрировал полную меру морской честности. Он дал радиogramму в Москву и во Владивосток: "Вторичном подходе месту аварии выяснилось от места аварии отошел бот здешних рыбаков направился западной кромке зпт сняв прибрежных рифов группу людей зпт количество принадлежность которых неизвестно тчк Обследование восточной части невозможно зыбь три метра сильный прибой тчк Ждем сообщения т/х "Невель" который будет спускать вельбот искать подходы берегу рифам тчк".

Здесь все было правда. Дело переходило в наши руки. Но я хорошо представлял себе км Полунина, когда он все ближе и ближе подводил свой здоровенный, полный груза теплоход к рифовому барьеру фактически без карты, чтобы точно разглядеть, что там за шлюпка мечется на волнах и кто в ней.

И только когда разглядел, дал "полный назад" и вытер лоб. И подписал радиограмму. А трехметровая зыбь поднимала и опускала тушу честного писателя "Короленко", "Дети подземелья" которого мы читаем в детстве и плачем над судьбой голодных умирающих ребятишек. Ох, если б сам Владимир Галактионович сейчас мог с небес подсказать нам, когда и что делать. Сверху хорошо видно.

Я давно уже готовился к тому, что пойду на вельботе, что впереди возможна опасная работа. Я снял кальку с карты 1881. Продумал, как одеться. И уже мысленно подбирал людей.

Второй помощник – командир аварийной партии. Тем более я уже достаточно покрутился среди бурунов архипелага.

Однако, как я уже сто раз говорил, все на море происходит неожиданно. Была середина моей вахты, когда мы шлепнулись на якорь и стали готовить вельбот к спуску.

– Старпом пойдет, – сказал Георгий Васильевич. – Свою вахту каждый стоит сам.

На добрую минуту я превратился в несчастную жену Лота. Если бы Георгий Васильевич тогда не смилостивился, быть мне в психиатрической больнице. Я забормотал что-то о своем спецкорстве в газете "Водный транспорт", о своем спасательном прошлом и знакомстве с работой в прибое.

– Это вы умеете, – сказал капитан. – Ахтерштевень на вельботе кто погнул? Как раз в прибое вы это сделали. Да и прибоья-то там никакого не было.

– Я тогда просто упустил отлив, – занял я нудным мальчишеским голосом.

– Да идите вы куда хотите, – сказал он. – Четвертого на вахту!

Вельбот качался под бортом. Я успел нахлобучить кепку, чтобы не получить солнечного удара, и ссыпался по штормтрапу. Старпом уже сидел на румпеле и орал для всеобщего ободрения свою всегдашнюю присказку: "Туши фонари!"

Когда командование, на которое ты настроился, вдруг достается другому человеку, кажется, что он все делает неправильно.

Я считал, что надо взять линеметательную установку, одеяла, метров сто добротных манильских тросов и парусину, чтобы можно было снять людей с разбитого судна, если они еще держатся на нем. Если люди держатся где-нибудь на верхушках отдельных скал, то снять их оттуда без снастей тоже будет невозможно. Я еще считал нужным включить в состав партии хорошего дипломированного ныряльщика и взять акваланг, чтобы по возможности обследовать аварийное судно. Короче говоря, когда смотришь со стороны, все видится яснее.

План был такой: подойти к рыболовной шхуне, которая стояла на якоре вблизи острова Рафаэль. Опросить негров. Мы были уверены, что они уже многое знают о происшедшем. Другое дело, что они могли уклониться от ответов и не сказать, где лежит разбитое судно. Дело в том, что со всяко-

го разбившегося судна прибой выбрасывает на берег всевозможные, иногда весьма ценные и полезные, предметы. И чем позже мы подойдем к месту аварии, тем больше этих предметов аборигены смогут унести. А для нищих, забытых богом и людьми здешних негров и пустая канистра представляет ценность. Если они окажутся хорошими, то мы возьмем проводника. Соображения о том, что все они "олл ил", мы, естественно, уже не принимали во внимание.

Как только отвалили и сонный, сердитый третий механик Головятинский, сидевший за реверсом, дал "полный", нам в глаза ударили брызги пулеметными, крупнокалиберными очередями. Мы шли к Рафаэлю против волны и вечного пассата. Тропическое солнце, сияние брызг, грохот дизеля.

Нас было одиннадцать человек, из которых, как выяснилось, половина знать не знала, куда и зачем нас несет по волнам.

Головятинский вдруг заорал мне в ухо:

– Совсем вы рехнулись с этими ракушками!

– Сам ты рехнулся! – заорал я ему в ответ. – Какие ракушки?

– А зачем мы премся на Рафаэль?

Перед спасательной операцией людей следует инструктировать. И лучше всего набирать людей из добровольцев. Так было на далеком острове Кильдин, на СС "Вайгач", когда мы, быстро обмерзая, погружались в Баренцево море на разбитом логгере. Там обмерзали и погружались только те, кто

вызвался на это сам. Конечно, далеко не всегда есть возможность ограничиться добровольцами, но это уже другой разговор.

Шхуна и остров приближались медленно.

Радист-мальчишка вспомнил наконец, что следует опробовать аварийную рацию. Ему не хотелось вылезать под брызги, но он все-таки вылез. Матросы помогли ему поднять на отпорном крюке антенну. Через минуту радист вернулся. Рация не работала.

– Почему?

– На нее брызги попали! – объяснил он.

Аварийная рация существует для того, чтобы работать, естественно, в мокрых условиях. Выброшенная за борт, она не только плавает сама, но может удержать на поверхности человека.

Просто мальчишка-радист не понимал, не мог понять, представить себе, что сейчас среди лазурного, ослепительно-го, прекрасного мерцания вод и небес расстанутся или, что было вероятнее всего, уже расстались с жизнью тридцать восемь человек, что они уже превратились во все это океанское и небесное великолепие. И что в далеком Владивостоке сейчас уже толпятся в коридорах пароходства их жены, матери и дети, ожидая очередной радиogramмы, ловя выражение лиц капитанов из службы мореплавания.

Все-таки, подумалось мне, умирать под солнцем веселее, нежели под саваном полярной ночи, в метель, когда воздух

минус шесть, вода плюс один градус и ветер шесть баллов с норда...

От рыболовной шхуны "Сайрен", стоявшей в ее любимом местечке – у второй к югу от Рафаэля отмели, – отвалила маленькая шлюпчонка и пошла навстречу.

Сойтись борт к борту на волне было сложно, и мы со шлюпчонкой покрутились друг за другом, как крутятся собаки, чтобы догнать свой собственный хвост, и наконец ткнулись носом в корму.

Двое негров молча таращили на нас глаза, а тот обросший бородой белый, которому я оставил пять пачек сигарет "Новость" и пачку открыток зимнего Ленинграда, передал нам подмокшую бумажку.

Мы занялись английским языком. Это было трудное дело, потому что текст оказался рукописный, мокрая бумажка расползалась в пальцах, ее еще рвал пассат. Но мы все-таки разобрали – это был текст радиограммы от морского директора острова Маврикий, который мы имели еще на судне: "Советское судно "Аргус" терпит бедствие и т. д."

Шлюпчонка держалась поблизости, и мы стали орать аборигенам основной вопрос: "Живы люди? Где люди?"

Они, как положено, махали руками в разные стороны, потом пошли к шхуне, зовя нас за собой.

Если вы видели фильмы и читали книги, действие в которых происходит на южных колониальных островах, то сможете представить эту шхуну, обходящую архипелаг и собира-

ющую от разных бедолаг-одинок рыб, черепах, моллюсков и прочие ценности. Человек двадцать негров, одетых точно так, как их одевают костюмеры в наших опереттах, – в сомбреро, пробковых шлемах, полуголые, босые, в фетровых шляпах конца прошлого века, в разрисованных мотоциклами рубашках нынешнего века, – схватили наши фалинья и закрепили на борту своей "Сайрен".

Старпом, я и Перепелкин вылезли на палубу шхуны. Палуба оказалась неожиданно чистой, и даже обычной вони от гниющей рыбы не ощущалось.

По скоб-трапу мы поднялись в малюсенькую штурманскую рубку, где одновременно не могли поместиться больше трех человек. Капитан шхуны, одетый по-европейски, элегантный и эластичный молодой негр (у него даже манжеты белые торчали из рукавов, хотя металлическая малюсенькая рубка была раскалена солнцем и в ней было как в духовке, когда в нее собираются запихать уже нашпигованного гуся), разложил на штурманском столике карту. Это была все та же английская карта 1881. Слава английскому лейтенанту Мюдже! Судя по всему, сегодня нам придется почувствовать то, что ощущал он сто сорок четыре года тому назад, снимая на карту восточную сторону архипелага в вечном прибое Индийского океана.

Карта – это не грамматика, не спряжения-ударения, безударные гласные и прочая безнадежно сложная наука. Карта – это такая вещь, при помощи которой наши переговоры

сразу стали обоюдопонятными. Морская карта для моряков, что игральные карты для игроков, – можно обходиться и без языка.

Мы положили на карту лейтенанта Мюдже свою кальку с отметкой места гибели "Аргуса".

"Короленко" правильно определил координаты: эластичный негр кивнул и подтвердил, что "Аргус" разбился там, где он разбился на нашей кальке. О судьбе людей он ничего не знал.

Представьте себе длинный, небрежно брошенный в воду чулок, он упал на воду извиваясь. В пятке этого чулка – остатки судна. По краям – рифы. Длина его – около трех миль. Вход в чулок – с восточной стороны. В этот вход катили волны, начавшие разбег от Индонезии и Австралии. Ширина входа – сотни две метров.

Мы пунктиром проложили на кальке курс нашего вельбота в устье чулка с востока и к "Аргусу". И поставили знак вопроса. Негр взвыл, всеми своими белками показывая, что идти этим путем "мор", то есть смерть. Нам это и самим было совершенно ясно. Теперь мы сунули негру шариковую ручку. Он повел пунктир с западной стороны сложными зигзагами. Зигзаги иногда шли по отметкам рифов, а иногда огибали свободные места с хорошими глубинами. Много времени протекло со времен последней корректуры этой карты; многое успели океан, и ветер, и кораллы, и морские звезды изменить на архипелаге Каргадос за эти времена.

Нам предстоял длинный путь.

Пожалуй, будь я на месте старпома, я не решился бы идти так далеко при вышедшей из строя ракеты. Пожалуй, вернулся бы на судно, чтобы посоветоваться с капитаном и взять исправную ракету. Но чиф решил иначе.

– Пойдем, – сказал он.

Пять минут потратили на то, чтобы договориться о проводнике. Одному негру надо было на маленький безымянный островок в районе аварии. Негр готов был стать нашим проводником.

Это был негр-красавец, молодой, стальной, стройный и непроницаемый как для брызг, так и для духовного общения. Он был в коротеньких трусах, пиджаке и спортивном кепи с большим козырьком – такие кепи носят жокеи.

С первого же взгляда он напомнил мне героя африканского романа "Леопард" – лучшей книги из тех, что приходилось читать о психологии негров.

Леопард сунул свой пиджак под козырек в носу вельбота и, став черной статуей, разрезал ладонью воздух, показывая направление.

Мы дали ход.

Я велел одному из матросов предложить лоцману ватник. Он отказался. Стоял, не отворачиваясь от брызг, не приседая.

Широк был океанский простор впереди.

Островок Сайрен проходил по правому борту. Черным

облаком клубились над зеленью кустиков стаи птиц. Слева уходила в бесконечность белая полоса бурунов на рифах. Зыбь. Чайки, планирующие возле самых глаз. Грохот дизеля. Черная, четкая статуя на носу. Брызги. Соль на губах. И солнце над головой беспощадное.

До "пятки чулка" – миль восемнадцать – три часа хода.

Островки, которые с двенадцати метров – высоты мостика на судне – были видны хорошо, с вельбота, то есть практически с поверхности воды, были почти не различимы. Они были плоские.

Час за часом вести вельбот, когда волна сбивает с курса, облака двигаются быстро и точку на них взять невозможно, глаза сечет брызгами, румпель оттягивает руки и весь ты уже измочален болтанкой и прыжками вельбота, – томительное и мутное занятие. Главным ориентиром была гряда рифов слева по борту – полосы белой от пены, голубой, зеленой воды. И мы шли, следуя ее изгибам и взмахам руки негра. Когда вельбот сильно сбивало волной, негр чуть злее отмахивал рукой и на несколько секунд оборачивался с укоризной.

Я шел сейчас спасать спасателей в центре Индийского океана. Чем больше нам лет, тем значительнее кажется прошлое. Некогда будничное происшествие превращается с годами в символ, поворотный момент судьбы. Поданный тебе кем-то когда-то кусок хлеба заставляет верить в общечеловеческую доброту. А мелкая детская обида настораживает против всего человечества. Мимолетная встреча в пути за-

стрекает в сознании как в высшей мере значительное совпадение. Или так только со мной?

Серый парус замелькал среди лазурных волн, он метался и кренился на курсовом угле от нас градусов в шестьдесят левого борта. Каждая молекула Индийского океана отражала солнце. Мы ничего не могли разглядеть под серым парусом. Шел он не с того направления, где, нам казалось, должен лежать "Аргус", но мы повернули на сближение. Был смысл опросить аборигенов.

Теперь вельбот устоялся прямо в лоб зыби. И даже скульптурный, стальной, непробиваемый Леопард стал прятаться от брызг и приседать за козырьком вельбота.

Когда оставалось кабельтова четыре, мы разглядели посудину, она сидела в воде по самый борт: пирога с дощатыми бортами, узкая, шла не только под парусом, но и под мотором. И там мелькнуло что-то оранжевое.

Оранжевый спасательный жилет среди черных негритянских тел.

Боже, как мы завопили!

Белые люди в оранжевых нагрудниках – это могли быть только наши утопленники.

Мы махали им руками и вопили разные слова. Что это были за слова!

На пироге срубили парус.

– Ребята, там женщина!

Женщина в ситцевом, мокром, облепившем ее платье. В

таких платьях, домашних, вылинялых, севших от бесконечных стирок, с короткими рукавами, женщины моют полы в коммунальных коридорах и кухнях, когда настает их очередь.

Женщина была простоволосая.

Их повыкидывало из коек ночью, в самый сон; они высказывали на палубу, через которую накатом шел прибой, в чем спали, что успели схватить и кинуть на себя... И тьма, и грохот, и крен, и удары о камни...

Держась за мачту пироги, стоял мужчина в нашей морской тропической форме с нашивками капитана на погончиках.

– Где остальные?! – кричали мы.

Он махнул рукой туда, откуда шла пирога.

– А вы откуда здесь? – орали с пироги.

– Из Ленинграда.

– А мы из Владивостока!

Это мы знали.

– Все живы? – орали мы.

Они отвечали невразумительно.

Было два решения: забирать к себе этих восьмерых, но они уже в некоторой безопасности, в некоторой, потому что пирога явно перегружена, но, если взять их, они будут мешать нам в дальнейшей работе. И если придется лезть в прибой среди коралловых рифов, то эти восемь опять попадут в передрагу.

И мы не стали их брать, тем более что с ними был капитан.

Минут через тридцать мы увидели еще один серый парус среди лазурных волн, который так же метался, кренился и трепетал, как крыло ночной бабочки. Там оказалось семнадцать человек. Этим мы решили забрать, потому что узнали от них, что живы все.

Пока на зыби мы несколько раз подходили к пироге, чтобы попытаться сцепиться с ней бортами; пока чуть не утопили ее, ударив носом прямо в борт; пока выхватывали поштучно полуголых, обожженных солнцем, дрожащих от озноба коллег, показалась третья пирога. Это была самая крупная посудина, людей в ней было немного, она сама могла дойти до "Невеля", и негры на ней быстро поняли, где стоит "Невель".

В суматохе пересадки я не сразу разобрал, что у нас на борту оказались две дамы. Дамы вели себя спокойнее, нежели некоторые мужчины. Один из штурманов, например, слишком долго не решался расстаться с пирогой, прыгнуть через борт. Это был здоровенный детина в сингапурском нейлоновом "кожухе", надетом на голое тело. В оправдание его нерешительности надо сказать, что по лбу у него из-под волос сочилась кровь. Еще у нескольких моряков были травмы, у большинства в голову.

В результате неожиданной встречи со спасенными наш непроницаемый Леопард оказался меж двух стульев, ибо к своему острову он не добрался. Опустевшая пирога тоже шла в какое-то другое место. И нам пришлось довольно бес тактно высадить Леопарда на нее. Было не до тонкостей. Он

понял это, взял свой узелок с пиджаком и спокойно перепрыгнул в пирогу.

Он был благороден в каждом движении и каждом поступке. А мы даже не узнали его имени.

Правда, мы не узнали имен ни одного из тех негров, которые спасли тридцать восемь русских душ. Ведь спасательная операция уже закончилась. Мы принимали уже спасенные неграми души. Мы опоздали спасти их сами. Думаю, это к счастью.

Местные люди на своих пирогах, знающие повадки каждой струи течения возле берега, живущие всю жизнь на этих лазоревых волнах, чувствующие от долгого общения с парусом самое незначительное изменение направления ветра, рисковали меньше, чем рисковали бы мы, если б пришлось идти на тяжелом, неповоротливом дизельном вельботе в накат восточной стороны рифового барьера.

Рассказы утопленников звучали судорожно:

– ...Настил вдруг поднимается под вспомогателем... камень торчит из паела... бах!.. свет погас... ракеты все перестреляли... подаем один проводник, второй... ничего не осталось... запустили на змее антенну, она метрах в четырех от пироги – хлоп в воду!.. аккумуляторы вдребезги... а я бо-сой по битому стеклу...

Наконец кто-то сообразил, что надо бедолагам отдать свои шмутки – сгорят ведь под неистовым солнцем.

Я кинул ватник женщине с седыми волосами, но не ста-

рой, – оказалась судовым врачом. Потом пришлось снять пиджак. Справа внизу сидел какой-то парень. До пояса он хорошо был укрыт, а колени уже обгорели. Парень укрыл колени моим пиджаком. Тут ему передали здоровенную соленую горбушу и галету.

Их кок успел прихватить мешок с продуктами. По рукам пошли и банки с водой из аварийного запаса спасательных плотиков. Есть такие обыкновенные, консервные. И надпись: "Питьевая вода. Не пить в первые сутки!" Иногда человек всю жизнь проплавает и не знает, что там запасено в спасательном плотике.

Этих ребят выручили с того света. А они уже кокетничали своим привычным обращением с питьевой водой, небрежно протыкали ножом две дырки, пили, нас угощали. Ржавым железом эта вода пахнет.

Парень с обгоревшими коленками уложил горбушу на мой пиджак и стал ее кромсать. Мой старый, верный, добрый пиджак – мне стало жаль его. Вонять теперь будет рыбой, гиблое дело. И обругать утопленника неудобно, и пиджак отнять неудобно.

Вот ведь как люди устроены. Только что я на смертельный риск шел, чтобы этого парня спасти, готов уже был к летальному исходу, а из-за пиджака, на котором он горбушу соленую кромсает, просто душа разрывается. И почему этот болван не мог что-нибудь подложить под рыбу, думал я. Мозги ему отшибло, что ли?

В какой-то книжке я читал, что у индейцев или у древних инков был закон, по которому человек, спасший от неминуемой смерти другого, автоматически становился рабом спасенного, рабом-телохранителем. Он вмешался в великий поток причин и следствий самой Природы, изменил в этом потоке нечто и должен всю жизнь нести за это покаяние и ответственность. Современному человеку такие рассуждения могут показаться дикарскими... А с пиджаком дело хана: нельзя ведь пиджаки стирать...

Старпом торчал на носу, высматривал камни, отмахивал мне время от времени рукой, показывал безопасное направление.

Средняя пирога обогнала нас, парус и мотор вели вперед ее длинное тело уверенно и красиво. А первая, перегруженная пирога исчезла в голубом пространстве. Все-таки, быть может, следовало пересадить с нее людей? Вдруг она перевернулась? На такой зыби это просто.

Мы забирали восточнее – к острову Рафаэль, а обогнавшая нас пирога отклонялась к западу, они резали угол, шли к месту стоянки "Невеля", решив, очевидно, оставить с правого борта островок Али-Бабы, где я чуть не лопнул от потрясения и жадности.

Мы пережили приключение, раздумывал я. Кто оплачивает счет? В конечном итоге любое приключение, которое интересно для тебя, оборачивается горем и бедой для другого. Кто-то должен оплачивать приключения. Даже пилот-оди-

ночка Чичестер, разыскивая по свету приключения для себя, не знал, что заставляет далеких и незнакомых людей оплачивать невидимые счета. Его приключения кому-то стоили седых волос. Когда ты описываешь свои приключения – сегодня описывают все, ибо за приключенческие книги платят неплохие деньги, – то ты пьешь чужую кровь. Даже если никто не погиб, спасая тебя из приключенческой беды. Наше сегодняшнее приключение оплачено скорее всего судьбой вахтенного штурмана "Аргуса"...

Этот вахтенный штурман был мой коллега – второй помощник. Моего коллегу легко было узнать среди других моряков в вельботе. Он был одет с ног до головы. Он был в старенькой форменной одежде. В ней стоял вахту и увидел впереди, в ночи, белую полосу прибоя, услышал мерный, как вздох и выдох, гул. Что он сделал? Не скоро теперь рассеется для него тот ночной мрак...

Бесконечно долго идем мы назад. Ветер и течение сносят к западу, чиф отчаянно машет правой рукой. А у меня от румпеля занемели руки. Отдаю его Пете Крамарскому. Отличный паренек из экспедиции.

До чего приятно посидеть просто так, покурить, разглядывая коллег, измызганные мазутом рожи и пестроту одеяний.

Коллеги сосали карамель из запасов спасательных плотиков. Специальная карамель, чтобы меньше хотелось пить. С витаминами. И я сосал. И думал о пиджаке – пропал пиджак.

Сколько лет мне служил, где только на мне не побывал. И вот дождался, терзают на нем соленую горбушу, пойманную на Камчатке.

У всех наших было возбужденное, горделивое состояние спасителей. Большинство до конца жизни будет, вероятно, думать, что они кого-то спасли. Про негров забудут – так уж устроены люди. Пялят глаза на женщин.

– Закрой голову, – сказал я одной нимфе. – С этим солнцем шутить нельзя.

– У меня волосы густые.

– Страшно было?

– Ужас сплошной! Я такие выкройки в Сингапуре купила – закачаешься!.. Не знаете, нам валюту вернут?

– Скорее всего вернут.

– Мы в Одессу шли. Думали, рейс месяцев восемь будет – заработаем сразу хорошо. На спасателе-то рейсы короткие, валюты мало. А тут канули восемь месяцев валютных... И выкройки утонули.

Я внимательно присмотрелся к женщине. Подумалось, что ее навязчивое упоминание выкроек – нечто послешоковое, но она глядела на меня ясными глазами:

– Я толстая – сама знаю. На мою фигуру хорошие выкройки достать – проблема номер один.

Я чуть не выругался. Потом спросил:

– Как они вас вытаскивали? С воды брали?

– А я со страху и не запомнила.

– Хорошо, – сказал я, чтобы что-нибудь сказать.

Люди с первой пироги успели высадиться на Рафаэль, и мы долго ждали их в проливе между островом и первой к югу отмелью, жарились под солнцем.

Белый крест на фоне тропической зелени. Тихие поклоны пальм. Жара разморила и спасенных, и всех наших. Да и устали мы уже здорово.

Несколько негров сидели на берегу в тени кустов, смотрели на нас. И мне казалось, что видят они нас насквозь, а мы в них ничего не видим, не понимаем. Мы в них понимаем еще меньше, чем в женщинах, хотя бы в той толстушке с выкройками. И никогда ничего не пойдем, если они сами себя не раскроют.

А раскрыться народы могут только через литературу. Никакая этнография здесь не поможет. Правда, как мне кажется, литература показывает не само существо народа, а его мечту о себе, но, быть может, это синонимы?

Какой-то паренек с перевязанной полотенцем головой пробрался ко мне в корму, под ветер, тихо сказал:

– Я за вас подержусь...

– Давай, давай.

Вот уж к чему не приспособлены спасательные вельботы, так это к отправлению некоторых человеческих надобностей. Тут надо быть профессиональным эквилибристом на шаре, чтобы все сошло благополучно.

Остатки горбуши продолжали лежать на моем пиджаке.

Но страдания по этому поводу несколько притупились.

Наконец подвалила пирога с капитаном "Аргуса" и его спутниками. Не торопились они расстаться с твердой землей и шелестом пальм.

У женщины в ситцевом платье руки были полны кораллов и ракушек. Какая красота в океанских дарах, если через несколько часов после пережитого она заметила и собрала эти ракушки и кораллы.

Все, что у нее было в каюте "Аргуса", – коробки с сингапурскими покупками, халатик там, тряпки, туфли, сувениры, фотографии родных, наверное, сумочка с помадой и зеркальцем, – все это переваривал теперь Индийский океан. А она у него взяла ракушки. Обменялись.

В вельбот перелезли еще два негра, одетые по-европейски, один даже в очках. Очевидно, они рассчитывали получить на "Невеле" презент за спасение.

Родное судно спустило забортный трап, но ветер засвежел, волна разгулялась и подойти к площадке было опасно. Следовало швартоваться под штормтрап.

Чиф от всех приключений несколько утратил глазомер, несколько изменилась, как говорится, выпуклость его морского глаза. В результате он воткнул вельбот в родной борт с полного хода. Мне даже показалось, что здесь чиф решил заменить доктора Гену, чтобы хорошей встряской поставить на место мозги потерпевших бедствие. Сам Гена уже не занимался докторскими делами. Он весь был поглощен коллен-

ками коллеги с "Аргуса" – кутал и кутал ей ножки.

После удара в борт пришлось заложить еще один вираж вокруг "Невеля". Наконец ошвартовались. И мы с чифом первыми поднялись на борт, чтобы первыми получить благодарность за свои героические действия.

Мы были мокрые, уставшие, полуголые. И соленые, как та горбуша.

Георгий Васильевич злился редко, но здесь встретил нас серый от гнева. Его первые слова были:

– Почему чужие люди в вельботе? Куда вы их думаете девать? Сию минуту снимаемся на Монтевидео. Вельбот поднять! А островитян куда? В Рио-де-Жанейро?!

Последнюю неделю старпом был простужен. Его нижняя губа, изъеденная черно-красными струпиями, отвисла. Теперь она отвисла еще ниже.

Уходя несколько часов назад с судна, мы ни о каком Монтевидео знать не знали и даже думать о нем не думали, ибо, если вы взглянете на карту, то заметите, что Уругвай находился для нас почти на противоположной стороне планеты, – вот что значит работать на космическом пароходе. По плану мы должны были спокойно загорать еще две недели на Каргадосе, потом идти на Маврикий за продуктами и почтой, а... вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

– Ну, что вы вылупились? – спросил Георгий Васильевич. – Уже два часа Москва молотит приказ о немедленной съемке на Южную Америку, а вы посторонних на судно при-

волокли!

– Туши фонари, – пробормотал старпом любимую сказку, он употреблял ее во всех случаях жизни.

– Они ожидают презент, – сказал я. – Со всех возможных точек зрения, включая интернациональную, их следует поблагодарить.

– Шесть спасательных плотиков с "Аргуса" они уже получили. Это тысяча рублей валютных! Плохой презент? – спросил Георгий Васильевич. – И сколько они еще всего выловят! Идите на вельбот, Виктор Викторович, и возвращайтесь назад самым полным. Мы еще сколько времени потеряем, пока будем утопленников на "Короленко" передавать – погода портится.

– Вы совершенно правы, но что-то символическое им следует дать, – уперся я, представив себя на вельботе перед двумя неграми, которые хотят лезть по штормтрапу на "Невель", а я их не пускаю. – Они же не поверят, что мы вдруг действительно должны, экономя каждую минуту, нестись через два океана к Южной Америке. Откуда они знают специфику судна? Они обидятся насмерть. И все это на мою голову, а я человек деликатный.

– Идите на вельбот, Виктор Викторович, – сказал мастер. – Что-нибудь символическое мы вам туда спустим на веревке.

Из вельбота начинали эвакуацию женщин. Эвакуация производилась по правилам хорошей морской практики.

Каждая женщина была встегнута в такелажный пояс с линем, линии держали высоко на борту гогочущие матросы. Неожиданно вытащить из океана четырех женщин посередине длинного скучного рейса – такое редко случается.

Вслед за женщинами, как я и ожидал, подвалили к трапу островитяне. Разговор, который состоялся между нами, на человеческий язык перевести нельзя. Такой разговор французы называют "пэльмэль" – "мешанина":

- Монтевидео! – кричал я.
- Олл райт! – отвечали они.
- Цурюк! – кричал я.
- О'кей! – раздавалось в ответ.
- Но! – кричал я.
- Бонжур, камарад! – приветствовали они.

Презент все не опускался на веревке, как было обещано, и я походил на собачку из рассказа Джека Лондона, которая обороняет хижину хозяина-пьяницы от дюжины волков.

Наконец с небес спустились три бутылки в авоське.

Я гаркнул, чтобы отдавали концы. Концы в тот же момент упали в вельбот. За моей борьбой следили сверху, конечно.

– Самый полный! – рявкнул я механику.

И мы опять рванулись в зыбь и брызги. Островитяне развернули бумагу с бутылок, несколько удивились, а затем протянули мне бланк, заполненный каракулями, в которых не разобрался бы даже академик Крачковский.

Я смело подмахнул бланк: "Секонд мейт мотошип

"Невель" – и автограф. Так как дело происходило на прыгающем вельботе и под брызгами, то разобрать мои каракули отказался бы и лучший эксперт-графолог мира.

В конце концов, здесь оставался "Короленко", он был назначен главным в операции по спасению. И я не сомневался, что "Короленко" с русской щедростью отблагодарит спасателей, ибо я не знаю случая, когда наши моряки оставались в долгу.

Мой автограф на бланке ободрил негроидов, они стали улыбаться, хлебнули винца, и мы высадили их на борт "Сирены" в отличном настроении. Я велел не подавать на "Сирену" концов и, как только негры вылезли, врубил опять "самый полный".

Экипаж шхуны вывалил на палубу и дружно махал нам вслед. И мы махали им и кричали: "Сенькью!"

И это было трогательно, потому что все люди на земле все-таки братья.

История аварии на официальном языке звучала так.

Спасательное судно "Аргус" следовало из Владивостока на Одессу с заданием обеспечить перегон дока. В целях сохранения моторесурсов "Аргус" следовал на буксире теплохода "Тикси". 1 октября при ветре 5 баллов и крупной зыби лопнул буксир.

Учитывая сложную гидрометеообстановку, капитаны приняли решение следовать самостоятельно к острову Маврикий, под прикрытием которого завести новый буксир.

Выбрав на палубу оборванную часть троса и получив от "Тикси" исходную точку, "Аргус" дал полный ход и лег курсом на Маврикий.

Первое время суда следовали в визуальной видимости друг друга.

2 октября капитан "Тикси" сообщил, что по техническим причинам не может идти длительное время с уменьшенной скоростью, и по согласованию с "Аргусом" дал "полный" и ушел вперед.

3 октября капитан "Тикси" сообщил на "Аргус" о замеченном им сильном дрейфе на запад, однако это предупреждение капитаном "Аргуса" не было принято во внимание, и судно следовало прежним курсом.

4 октября в 00.00 на ходовую вахту заступил второй помощник. По данным счисления судно находилось примерно в 60 милях восточнее островов Каргадос-Карахос.

Погода к этому времени: низкая облачность, видимость от 2 до 6 миль, ветер юго-восточный 5–6 баллов и крупная зыбь того же направления.

В 01.50 впередсмотрящий прямо на носу в расстоянии около одной мили увидел прибойную полосу воды, о чем немедленно доложил вахтенному помощнику, который выскочил из рубки на правое крыло и, убедившись, что судно идет прямо в буруны, скомандовал "право на борт", после чего по переговорной трубе вызвал на мостик капитана.

Через 3 минуты "Аргус" с полного хода ударился о под-

водные рифы, и только в этот момент был дан полный ход назад.

В 01.56 судно плотно село на восточную кромку рифов Каргадос-Карахос. Через пробоины в корпус судна стала интенсивно поступать вода. Крен судна достиг 60° на левый борт.

В 02.00 по радио был дан сигнал бедствия и указаны координаты.

Из-за большого крена и сильного волнения моря спустить спасательные боты не удалось. Утром со стороны мелководной лагуны, находящейся за прибойной полосой, подошли шлюпки местных рыбаков, на которые с помощью спасательных плотов ПСН-10 начал переправляться экипаж.

В 12.20 весь экипаж покинул судно, благополучно переправившись в рыбацьи шлюпки.

По неписаной традиции заботу о спасенных берут на себя таким образом: стармех – стармеха, радист – радиста и так далее.

Мой обреченный на кару коллега был очень молод. Вторым помощником он стал уже в рейсе, неожиданно, потому что одного из штурманов за что-то отправили из Сингапура домой на попутном судне.

Я выклянул у завпрода бутылку сухого "тропического" вина. И мы выпили с коллегой.

– У нас во Владивостоке крысы бежали с буксира... – так начал он.

– Это ты следователю будешь говорить, – остановил я его. – Или, еще лучше, прокурору на суде. Небось эти ребята сразу за носовые платки схватятся, чтобы слезы вытирать, когда про бегущих крыс услышат. Давай-ка мне все как на духу.

Он изложил свою легенду. Незачем приводить ее здесь. Потом слово взял я.

– Слушай меня внимательно, – сказал я. – На "Короленко" вы будете чапать до дома около месяца. За это время ты должен: выучить устройство своего буксира, его маневренные элементы, аварийные расписания, обязанности по тревогам всех членов твоей аварийной партии, правила применения РЛС, действия вахтенного штурмана при открытии неожиданной опасности прямо по курсу и Устав. И знать все это как "Отче наш", ясно?

– Что такое "Отче наш"? – спросил мой коллега.

– До самой швартовки во Владивостоке ты должен ночей не спать и зубрить все, включая ППСС, хотя тебе и кажется, что это не имеет отношения к делу. Все будет иметь отношение. Когда тебя возьмут в перекрестный допрос старые капитаны из комиссии по расследованию, тебе пригодится абсолютно все. А если ты будешь до Владивостока в "козла" резаться, то срок окажется значительно больше. Или ты зарубишь себе на носу то, что я сказал, или гореть тебе голубым огнем. Еще: ты периодически включал эхолот и радар всю вахту, ты имел на мостике двух матросов, и ты первый

увидел белую полосу впереди.

После этой инструкции я подарил ему на память раковину и дал письмо к своей матери – это письмо плавало со мной уже около месяца. Он поклялся, что письмо не потеряет и опустит во Владивостоке сразу же.

Он сдержал свое обещание.

Больше всего хотелось спать. Впереди ждала ночная ходовая вахта. Но я зашел к старпому. Там сидел капитан "Аргуса" и его старпом.

Большое впечатление произвело на меня олимпийское спокойствие капитана. Он был толст, весь исколот азиатской татуировкой.

– Я на "Аргусе" год во Вьетнаме отработал, – сказал капитан. – Жалко судно. Но оно уже столько раз на том свете побывало... И под бомбежками, и...

Я рассматривал его татуировку и думал о том, что сейчас аварийных капитанов судят редко, слава богу.

Сейчас никому не придет в голову искать в неверных поступках капитана злой умысел.

– Вот как в жизни бывает, – сказал капитан "Аргуса". – Я спасал киприота "Марианти", англичанина "Верчармиан" – тащил его до самого Гонконга, заделывал дыры на итальянцах, ремонтировал греков... Я потерял человека под бомбежкой на реке Кау Кам... Он посмертно орден Ленина получил, мне Трудового дали... И так вляпался! Ладно, ребята, поговорим о другом. Когда из дома?..

Быть может, он уже слишком много хватил в жизни, подумалось мне. Быть может, ему надо было бы как следует отдохнуть перед этим рейсом? Или вообще завязывать с морем? Быть может, он слишком привык к морю, перестал уважать его?

Старпом "Аргуса" был сух, сед, длинен, заметны в нем были следы потрясения. Он был, как и я, из военных моряков, капитан-лейтенант в прошлом. Сказал, что еще в Японском море трижды рвались буксирные тросы. А для работы с буксирными тросами у них на баке едва пять квадратных метров пространства было. Измучились на выборке тросов, пошли без буксира. "Тикси" оторвался, ушел далеко вперед. В океане секстанами работать точно не могли из-за очень сильной качки.

Сэр Исаак Ньютон мог бы обидеться за такие слова о секстанах, но чего в море не бывает. Здесь все может быть.

Старпом уставился на свои босые ноги, пошевелил пальцами.

– Вот босой остался... голый выскочил сперва... соляр везде, волосы слиплись... Особенно удары эти!.. Чемоданчик потом все-таки прихватил, так он пустой оказался... Если "Короленко" заход дадут на Сингапур, нам валюту восстановят, так и выйти в магазины не в чем... Может, ребята, пока нас ходили искать, чего-нибудь из имущества пострадало, потеряли чего? Тогда составляй акт, подпишем... И на продукты акт составляйте...

– Туши фонари, – сказал старпом теплохода "Невель". – Не надо. Всех покормили уже. Обойдемся. А вашим женщинам наши девчонки свои халатики поотдавали... Толстушка, которая совсем почти голая была, как поужинала, говорит: "Ну вот, обсохла, накушалась, теперь бы еще веселого кавалера под бок..."

– Это они могут, – сказал капитан "Аргуса".

Мы позлословили немного о морских женщинах, их приключениях.

В голове шумело кислое "Ркацители". Возбуждение давно угасло, стало скучно.

И я был рад, когда трансляция прорычала: "Членам экипажа спасательного судна "Аргус" приготовиться к переправе на теплоход "Короленко"".

А через час мы уже шли полным ходом. Впереди опять был океан, и темнота, и дальняя, и дальняя дорога...

Петр Ниточкин. К вопросу о матросском коварстве

Нелицемерно судят наше творчество настоящие друзья или настоящие враги. Только они не боятся нас обидеть. Но настоящих друзей так же мало, как настоящих, то есть цельных и значительных, врагов.

Первым слушателем предыдущей главы был мой друг Петя Ниточкин.

Я закончил чтение и долго не поднимал глаз. Петя молчал. Он, очевидно, был слишком потрясен, чтобы сразу заняться литературной критикой. Наконец я поднял на друга глаза, чтобы поощрить его взглядом.

Друг беспробудно спал в кресле.

Он никогда, черт его побери, не отличался тонкостью, деликатностью или даже элементарной тактичностью.

Я вынужден был разбудить друга.

– Отношения капитана с начальником экспедиции ты описал замечательно! – сказал Петя и неуверенно дернул себя за ухо.

– Свинья, – сказал я. – Ни о каких таких отношениях нет ни слова в рукописи.

– Хорошо, что ты напомнил мне о свинье. Мы еще вернемся к ней. А сейчас – несколько слов о пользе взаимной

ненависти начальника экспедиции и капитана судна. Здесь мы видим позитивный аспект взаимной неприязни двух руководителей. В чем философское объяснение? В хорошей ненависти заключена высшая степень единства противоположностей, Витус. Как только начальник экспедиции и капитан доходят до крайней степени ненависти друг к другу, так Гегель может спать спокойно – толк будет! Но есть одна деталь. Ненависть должна быть животрепещущей. Старая, уже с запашком, тухлая корочке говоря, ненависть не годится, она не способна довести противоположности до единства.

– Медведь ты, Петя, – сказал я. – Из неудобного положения надо уметь выходить изящно.

– Хорошо, что ты напомнил мне о медведе. Мы еще вернемся к нему. Вернее, к медведице. И я подарю тебе новеллу, но, черт меня раздери, у тебя будет мало шансов продать ее даже на пункт сбора вторичного сырья. Ты мной питаешься, Витус. Ты, как и моя жена, не можешь понять, что человеком нельзя питаться систематически. Человеком можно только время от времени закусывать. Вполне, впрочем, возможно, что в данное время и тобой самим уже с хрустом питается какой-нибудь твой близкий родственник или прицельно облизывается дальний знакомый...

Сколько уже лет я привыкаю к неожиданности Петиних ассоциаций, но привыкнуть до конца не могу. Они так же внезапны, как поворот стаи кальмаров. Никто на свете – даже птицы – не умеет поворачивать "все вдруг" с такой оше-

ломляющей неожиданностью и синхронностью.

– Кальмар ты, Петя, – сказал я. – Валяй свою новеллу.

Уклонившись от роли литературного критика, Петя оживился.

– Служил я тогда на эскадренном миноносце "Очаровательный" в роли старшины рулевых, – начал он. – И была там медведица Эльза. Злющая. Матросики Эльзу терпеть не могли, потому что медведь не кошка. Уважать песочек медведя не приучишь. Если ты не Дуров. И убирали за ней, естественно, матросы и хотели от Эльзы избавиться, но командир эсминца любил медведицу больше младшей сестры. Я в этом убедился сразу по прибытии на "Очаровательный".

Поднимаюсь в рубку и замечаю безобразие: вокруг нактоуза путевого магнитного компаса обмотана старая, в чернильных пятнах, звериная шкура... Знаешь ли ты, Витус, что такое младший командир, прибывший к новому месту службы? Это йог высшей квалификации, потому что он все время видит себя со стороны. Увидел я себя, старшину второй статьи, со стороны, на фоне старой шкуры, а вокруг стоят подчиненные, ну и пхнул шкуру ботинком: "Что за пакость валяется? Убрать!" Пакость разворачивается и встает на дыбки. Гналась за мной тогда Эльза до самого командно-дальномерного поста – выше на эсминце не удерешь. В КДП я задраился и сидел там, пока меня по телефону не вызвали к командиру корабля. Эльзу вахтенный офицер отвлек, и я смог явиться по вызову.

– Плохо ты, старшина, начинаешь, – говорит мне капитан третьего ранга Поддубный. – Выкини из башки Есенина.

– Есть выкинуть из башки Есенина! – говорю я, как и положено, но пока совершенно не понимаю, куда кап-три клонит.

Осматриваюсь тихонько.

Нет такого матроса или старшины, которому неинтересно посмотреть на интерьер командирской каюты. Стиль проявляется в мелочах, и, таким образом, можно сказать, что человек – это мелочь. Самой неожиданной мелочью в каюте командира "Очаровательного" была большая фотография свиньи. Висела свинья на том месте, где обычно висит парусник под штормовыми парусами или мертвая природа Налбандяна.

– А вообще-то, читал Есенина? – спрашивает Поддубный.

– Никак нет! – докладываю на всякий случай, потому что четверть века назад Есенин был как бы не в почете.

– Этот стихотворец, – говорит командир "Очаровательного", – глубоко и несправедливо оскорблял животных. Он обозвал их нашими меньшими братьями. Ему наплевать было на теорию эволюции. Он забыл, что человеческий эмбрион проходит в своем развитии и рыб, и свиней, и медведей, и обезьян. А если мы появились после животных, то скажи, старшина, кто они нам – младшие или старшие братья?

– Старшие, товарищ капитан третьего ранга!

– Котелок у тебя, старшина, варит, и потому задам еще

один вопрос. Можно очеловечивать животных?

– Не могу знать, товарищ капитан третьего ранга!

– Нельзя очеловечивать животных, старшина. Случается, что и старшие братья бывают глупее младших. Возьми, например, Ивана-дурака. Он всегда самый младший, но и самый умный. И человек тоже, конечно, умнее медведя. И потому очеловечивать медведя безнравственно. Следует, старшина, озверивать людей. Надо выяснить не то, сколько человеческого есть в орангутанге, а сколько орангутангского еще остается в человеке. Понятно я говорю?

– Так точно!

– Если ты бьешь глуповатого старшего брата ботинком в брюхо, я имею в виду Эльзу, которая тебе даже и не старший брат, а старшая сестра, то ты не человеческий старшина второй статьи, а рядовой орангутанг. Намек понял?

– Так точно, товарищ капитан третьего ранга! Разрешите вопрос?

– Да.

– Товарищ капитан третьего ранга, на гражданке мне пришлось заниматься свиноводством, – говорю я и здесь допускаю некоторую неточность, ибо все мое свиноводство заключалось в том, что я украл поросенка в Бузулуке и сожрал его чуть ли не живьем в сорок втором году. – Интерес к свиноводству, – продолжаю я, – живет в моей душе и среди военно-морских тягот. Какова порода хряка, запечатленного на вашем фото?

– Во-первых, это не хряк, а свиноматка, – говорит Поддубный и любовно глядит на фото. – Правда, качество снимка среднее. Он сделан на острове Гогланд в сложной боевой обстановке. Эту превосходную свинью звали Машкой. Я обязан ей жизнью. Когда транспорт, на котором я временно покидал Таллин, подорвался на mine и уцелевшие поплыли к голубой полоске далекой земли, я, товарищ старшина, вспомнил маму. В детские годы мама не научила меня плавать. Причиной ее особых страхов перед водой был мой маленький рост. Да, попрощался я с мамой не самым теплым словом и начал приемку балласта во все цистерны разом. И тут рядом выныривает Машка. Я вцепился ей в хвост и через час собирал бруснику на Гогланде. Вот и все. Машку команда транспорта держала на мясо. Но она оказалась для меня подарком судьбы. Вообще-то, старшина, скажу вам, что подарки я терпеть не могу, потому что любой подарок обязывает. А порядочный человек не любит лишних обязательств. Но здесь делать было нечего. Я принял на себя груз обязательства: любить старших сестер и братьев. Кроме этого, я не ем свинины. Итак, старшина, устроит вас месяц без берега за грубость с медведицей?

– Никак нет, товарищ командир. Я принял ее за старую шкуру, уже неодушевленную и...

– Конечно, – сказал командир. – Большое видится на расстоянии, а рубка маленькая... Две недели без берега! И можете не благодарить!

Я убыл из командирской каюты без всякой обиды. Есть начальники, которые умеют наказывать весело, без внутренней, вернее, без нутряной злобы. Дал человек клятву защищать животных и последовательно ее выполняет. Он мне даже понравился. Лихой оказался моряк и вояка, хотя действительно ростом не вышел. Таких маленьких мужчин я раньше не встречал. На боевом мостике ему специально сколотили ящик-пьедестал, иначе он ничего впереди, кроме козырька своей фуражки, не видел. На своем пьедестале командир во время торпедных стрельб мелом записывал необходимые цифры – аппаратные углы, торпедные треугольники и все такое прочее. Соскочит с ящика, запишет – и обратно на ящик прыг. И так всю торпедную атаку он прыг-скок, прыг-скок. Очень ему было удобно с этим пьедесталом. Иногда просто ногу поднимет и под нее заглядывает, как в записную книжку. И в эти моменты он мне собачку у столбика напоминал. Вернее, если следовать его философским взглядам, собачка у столбика напоминала мне его. И теперь еще напоминает. И я твердо усвоил на всю жизнь, что одним из самых распространенных заблуждений является мнение, что от многолетнего общения морда собаки делается похожей на лицо хозяина. Ерунда. Это лицо хозяина делается похожим на морду его любимой собаки. И пускай кто-нибудь попробует доказать мне обратное! Пускай кто-нибудь докажет, что не Черчилль похож на бульдога, а бульдог на Черчилля! Но дело не в этом. Разговор пойдет о матросском коварстве. Ты читал

"Блэк кэт" Джекобса?

– Дело в том, Петя, что я дал себе слово выучить английский к восьмидесяти годам. Этим я надеюсь продлить свою жизнь до нормального срока. А Джекобса у нас почти не переводят.

– Прости, старик, но ты напоминаешь мне не долгожителя, а одного мальчишку-помора. Когда будущий полярный капитан Воронин был еще обыкновенным зуйком, судьба занесла его в Англию на архангельском суденышке. В Манчестере он увидел, как хозяин объясняется с английским купцом. Хозяин показывал на пальцах десять и говорил: "Му-у-у!" Потом показывал пятерню и говорил: "Бэ-э-э!" Это, как ты понимаешь, означало, что привезли они десять холмогорских коров и пять полудохлых от качки овец. "Вот вырасту, стану капитаном, – думал маленький Воронин, – и сам так же хорошо, как хозяин, научусь по-иностранным разговаривать". И как ты умудряешься грузовым помощником плавать?

– А тебе какое дело? Не у тебя плаваю.

– Ладно. Не заводись. У Джекобса есть рассказ, где капитан какой-то лайбы вышвырнул за борт черного кота – любимца команды. Спустя некоторое время пьяный капитан увидел утопленного черного кота спокойно лежащим на койке. Сволочь капитан опять взял черного кота за шкуру и швырнул в штормовые волны, а когда вернулся в каюту, дважды утопленный черный кот облизывался у него на сто-

ле. Так продолжалось раз десять, после чего кэп рехнулся. В финале Джекобс вполне реалистически, без всякой мистики, которую ты, Витус, так любишь, объясняет живучесть и непотопляемость черного кота. Оказывается, матросы решили отомстить капитану за погубленного любимца и в первом же порту выловили всех портовых котов и покрасили их чернью. И запускали поштучно к капитану, как только тот надирался шотландским виски. Это и есть матросское коварство. У нас на "Очаровательном" все было наоборот. Командир Эльзу обожал, а мы мечтали увидеть ее в зоопарке. Нельзя сказать, что идея, которая привела Эльзу в клетку, принадлежала только мне. Как все великие идеи, она уже витала в воздухе и родилась почти одновременно в нескольких выдающихся умах. Но я опередил других потому, что во время химической тревоги, когда на эсминце запалили дымовые шашки для имитации условий, близких к боевым, Эльза перекусила гофрированный шланг моего противогаса. Злопамятная стерва долго не находила случая отомстить за пинок ботинком. И наконец отомстила. После отбоя тревоги дым выходил у меня из ушей еще минут пятнадцать. С этого момента я перестал есть сахар за утренним чаем. Первым последовал моему примеру боцман, который любил Эльзу не меньше меня. Потом составиля целый подпольный кружок диабетиков. Сахар тщательно перемешивался с мелом и в таком виде выдавался Эльзе. Через неделю она одним взмахом языка слизнула полкило чистого мела без малейшей приме-

си сахара, надеясь, очевидно, на то, что в желудке он станет сладким. Все было рассчитано точно. Твердый условный рефлекс на мел у Эльзы был нами выработан за сутки до зачетных торпедных стрельб. Надо сказать, что по боевому расписанию Эльза занимала место на мостике. Ей нравилось смотреть четкую работу капитана третьего ранга Поддубного. А наш вегетарианец действительно был виртуозом торпедных атак. И когда "Очаровательный" противолодочным зигзагом несся в точку залпа, кренясь на поворотах до самой палубы, там, на мостике, было на что посмотреть.

В низах давно было известно, что очередные стрельбы будут не только зачетными, но и показательными. Сам командующий флотом и командиры хвостовых эсминцев шли в море на "Очаровательном", чтобы любоваться и учиться.

Погодка выдалась предштормовая. И надо было успеть отстреляться до того, как поднимется волна.

– Командир, – сказал адмирал нашему командиру, взойдя по трапу и пожимая ему руку перед строем экипажа. – Я мечтаю увидеть настоящую торпедную стрельбу, я соскучился по лихому морскому бою!

И он увидел лихой бой!

Мы мчались в предштормовое море, влипнув в свои боевые посты, как мухи в липкую бумагу.

Командир приплясывал на ящике. Ему не терпелось показать класс. В правой руке командир держал кусок мела. Для перестраховки я вывалял мел в сахарной пудре.

Эльза сидела за выносным индикатором кругового обзора и чихала от встречного ветра.

Адмирал и ученики-командиры стояли тесной группой и кутались в регланы.

Точно в расчетное время радары засекали эсминец-цель, и Поддубный победно проорал: "Торпедная атака!.. Аппараты на правый борт!"

Турбины взвыли надрывно. Секунды начали растягивать, как эспандеры. И внутри этих длинных секунд наш маленький командир с акробатической быстротой заскакал с ящика на палубу и с палубы на ящик. Прыг-скок – и команда, прыг-скок – и команда. Команды Поддубного падали в микрофоны четкие и увесистые, как золотые червонцы. Синусы и косинусы, тангенсы и котангенсы, эпсилонь, сигмы, фи и пси арабской вязью покрывали пьедестал. Меловая пыль летела во влажные ноздри нашей старшей сестры Эльзы. Минуты за три до точки залпа Эльза спокойно прошла через мостик, дождалась, когда командир очередной раз спрыгнул со своего ящика-пьедестала, чтобы лично глянуть на экран радара, и единым махом слизнула с ящика все данные стрельбы, всякие аппаратные углы и торпедные треугольники.

Атака завалилась с такой безнадежностью, как будто из облаков на "Очаровательный" спикировали разом сто "юнкерсов".

Червонцы команд по инерции еще несколько секунд вываливались из Поддубного, но все с большими и большими

ми паузами. Его остекленевший взгляд, тупо застывший на чистой, блестящей поверхности ящика-пьедестала, выражал детское удивление перед тайнами окружающего мира. Хотя турбины надрывались по-прежнему, хотя эсминец порол предштормовое море на тридцати узлах, хотя флаги, вымпелы и антенны падали в небеса оглушительными очередями, на мостике стало тихо, как в ночной аптеке. И в этой аптекарской тишине Эльза с хрустом откусила кусок мела, торчащий из кулака Поддубного.

– Отставить атаку! – заорал адмирал. – Куда я попал! Зверинец!

И здесь наш маленький вегетарианец или очеловечил медведицу, или заметно озверел сам. И правильно, я считаю, сделал, когда всадил сапог в ухо Эльзе. Медведица пережила такие же, как и ее хозяин, мгновения чистого детского удивления перед подлыми неожиданностями окружающего мира. Потом взвилась на дыбки и закатила Поддубному оплеуху. Лихой бой на борту эскадренного миноносца "Очаровательный" начался. Точно помню, что и в пылу боя Поддубный сохранял остатки животнoлюбия и джентльменства, ибо ниже пояса он старшую сестру не бил, хотя был на голову ниже медведицы и, чтобы попасть ей в морду, ему приходилось подпрыгивать. Эльза же чаще всего махала лапами над его фуражкой, потому что эсминец кренился и сохранять равновесие в боксерской стойке на двух задних конечностях ей было трудно. А кренился "Очаровательный" потому, что на

руле стоял я, старшина рулевых, и когда командиру становилось туго, я легонько перекладывал руль. На тридцати узлах эсминец отзывается на несколько градусов руля с такой быстротой, будто головой кивает. И таким маневрированием я не давал Эльзе загнать командира в угол. Мне, честно говоря, хотелось продлить незабываемое зрелище.

Адмирал и ученики-командиры наблюдали бой, забравшись кто куда, но все находились значительно выше арены. Сигнальщики висели на фалах в позах шестимесячных человеческих эмбрионов, то есть скорчившись от сумасшедшего хохота. Командир БЧ-3 и вахтенный офицер самоотверженно пытались отвлечь Эльзу на себя и выступали, таким образом, в роли пикадоров. Но Эльза была упряма и злопамятна, как сто тысяч обыкновенных женщин. Ее интересовал только предатель командир.

Тем временем эсминец-цель, зная, что по нему должен был показательно стрелять лучший специалист флота и что на атакующем корабле находится командующий, решил, что отсутствие следов торпед под килем означает только безобразное состояние собственной службы наблюдения. Признаться в этом командир цели, конечно, не считал возможным. И доложил по радиации адмиралу, что у него под килем прошло две торпеды, но почему-то до сих пор эти торпеды не всплыли, и он приступает к планомерному поиску. Учитывая то, что мы вообще не стреляли, возможно было предположить, что в районе учений находится подводная лодка ве-

роятного противника и что началась третья мировая война. В сорок девятом году войной попахивало крепко, и адмирал немедленно приказал накинуть на Эльзу чехол от рабочей шлюпки и намотать на нее бухту пенькового троса прямого спуска. Эту операцию боцманская команда производила с садистским удовольствием. Затем адмирал объявил по флоту готовность номер один и доложил в Генштаб об обнаружении неизвестной подводной лодки. Совет министров собрался на...

– Петя, ты ври, но не завирайся. Ведешь себя, как ветеран на встрече в домоуправлении. Что было с Эльзой?

– Когда Поддубному вкатили строгача, он на нее смотреть спокойно уже не мог. Списали в подшефную школу. Там она дала прикурить пионерам. Перевели в зверинец. Говорят, медведь, который ездит на мотоцикле в труппе Филатова, ее родной внук. Если теперешние разговоры о наследственности соответствуют природе вещей, то рано или поздно этот мотоциклист заедет на купол цирка и плюхнетя оттуда на флотского офицера, чтобы отомстить за бабушку. Я лично в цирк не хожу уже двадцать лет, хотя давным-давно демобилизовался.

Опять мимо Доброй Надежды и Монтевидео

08.10.69

Маврикий, Реюньон, Мадагаскар, отмель Этуаль уже за кормой.

В Порт-Луи простояли около двух суток – брали воду и продукты. Было там славно, по-домашнему. Местные люди уже привыкли к нам, лоцман поставил к причалу, близко росли южные кусты, их цветы покачивались в вечернем бризе, цветы красные, белые, зеленые, желтые. И сильный запах лаванды.

Пальмы и нефтяные баки вездесущей "Шелл". Под пальмами и между кустов бродил и блаженствовал Пижон. И я ночью, проверяя швартовые, сошел на берег и побродил среди спящих, неподвижных кустов, в рассеянном свете редких фонарей. Наломал веток с красными и белыми цветами. Они оказались долговечными. И сейчас еще у цветов лепестки сильные, плотные.

Получили письма и газеты. Мой сардинский кактус прибыл домой и испугал мать – такой он большой и колючий. Да и железное ведро, подобранное на сардинской свалке, веро-

ятно, производит сложное впечатление. Еще когда я засовывал в это ведро кактус, из ржавых дыр уже высыпалась земля, вернее песок. Я рад, что кактус жив и что он наконец завершил плавание. Он был мне другом в трудные моменты на "Челюскинце". И хорошо, что ребята сдержали обещание, доставили его на Петроградскую сторону. Значит, газ, смертельный для суринамского мукоеда, не убивает кактусы. Только бы дома его не залили водой...

В "Литературке" отличная статья Платонова о девочке и Короленко, как девочка придумывала и стирала ошибки в рукописи, чтобы Короленко не прогнал ее от себя. Статья Шима о телевидении. Завидно, что Шим не теряется перед сложностью сегодняшнего мира, что ему все ясно и в жизни, и в проблемах развития средств массовой информации.

Статья Гейдеко в "Литературной России", где автор с лютой злобой кусает Горышина.

Странно с такого большого расстояния наблюдать столь знакомый мир. Во всяком случае, он не делается значительно от перспективы.

В иллюминатор заглядывает сиреневое утреннее свечение. В сиреновом по горизонту горбатится темно-сиреневый Мадагаскар, зарево маяка. Почти полный штиль. Идем по 15 миль – самым полным.

В Порт-Луи зашли со старпомом в китайский книжный магазин. Покупателей не было. Только старик-китаец сидел за конторкой под самым большим портретом Мао. Все стены

обвешаны Мао поменьше. Все книги ярко-красного цвета – тысячи цитатников на различных языках. Издания очень хорошие, добротные, ясно, что делались на экспорт. Ради любопытства хотел было купить цитатничек величиной с коробку спичек на английском, но раздумал.

За все время не встретили ни в портах, ни в море ни одного китайского судна. Японцы шуруют везде, где есть вода. Китайцев как будто и на свете нет.

Каюта – сплошной натюрморт и кунсткамера. Висят и качаются кокосы разных возрастов. Везде насованы раковины всех видов и кораллы. Из этих богатств выбираются на свободу и ползают по мне раки-отшельники, крохотные крабы и улитки. И от йодистого запаха моря трудно дышать. Густо пахнут морские дары.

В Порт-Луи ранним утром мы спустили вельбот и поплыли на отмель, которая начинается за мысами гавани. Бывалые ребята утверждали, что там самое добычливое место, что кораллы с острова Сайрен – чепуха рядом со здешними. И оказались правы.

Мы бросили якорешко на метровой глубине. Ребята ныряли в бирюзовую воду с ножами и молотками. Оленьи рога, ветки сказочных растений, что-то похожее на огромные розы; нежные, как сыроежки, полусферы; плоские кружевные лепестки... Я принимал богатства в вельбот, штиль был, тишина, пахло рыбным рынком, виделось близкое дно, мир был в душе, спал рядом старинный форт, торчало над водой

брюхо какого-то неудачливого парохода, с парохода удил афро-азиат и тарасил на нас глаза...

Вельбот был загружен до предела, ошвартовались мы с набережной, выгружали добычу на теплые каменные ступени, опять под недоумевающими взглядами местных людей. Так глядели бы у нас на человека, вытаскивающего из Невы булыжники.

Кораллы в свежем виде имеют цвет бурый, серый, грязно-зеленый; покрыты слизью, водорослями. Технология обработки простая. В бочках разводят хлорную известь и опускают в раствор кораллы на день-два. Затем их следует тщательно промыть пресной водой. Можно и соленой, но считается, что цвет тогда не такой снежно-белый. Судовое начальство строго запрещает промывку кораллов пресной водой, а экипаж правдами и неправдами старается обмануть начальство. Еще одна сложность в том, что стащить хороший коралл у друга-приятеля – не воровство, а этакое невинное баловство.

Экипаж разбивается на группки, группки объединяются вокруг добычи хлора, бочек и источника пресной воды. Хлор хранится у боцмана, и боцман делается центральной фигурой на добрую неделю. Важно еще иметь какое-нибудь служебное помещение, куда следует поместить банку с хлорной известью, чтобы не отравиться хлором и не испортить мебель, штаны и каютные ковры.

У меня есть такое помещение – маленькая кладовка в кор-

ме, где томятся флаги всех государств планеты, добрая тысяча томов старых лоций и диплот. От развившейся патологической жадности и страха, что похитят мои ценности, ни в какие группки я входить не стал. Одиноким шакалом после каждой ночной вахты, под покровом мрака, в качку обливаясь на трапах крепким раствором извести, я таскал банки с носа в корму и, закрыв дверь каюты на ключ, промывал кораллы в умывальнике.

Часть даров я оставил без обработки. От них каюта и пропахла запахами моря на долгие месяцы. Ящики с дарами, проложенными наворованной ветошью, газетами, старыми флагами государств нашей планеты, я распихал под стол, под диван и в шкаф-бар, который традиционно пустовал у меня.

12.10.69

И вот мы опять проходим Добрую Надежду, где "Жанетта" в кейптаунском порту с какао на борту "поправляла такелаж". А над нашими головами в ближнем космосе проносятся "Союз-6" с двумя спящими в нем космонавтами. И антенны ведут его через зенит, а судно тяжело раскачивается на встречной штормовой волне.

Шторм делается жестоким. В такой шторм судно кажется птичкой, которая трепыхается в ладонях великана. Индийский океан передает нас Атлантическому.

Теплоход "Невель" – и два океана. Отличная компания.

Я пою песни военной поры и вспоминаю сорок пятый год, как перегружали дрова из железнодорожных вагонов на трамвайные платформы, костер в порту... Да, я повидал мир, думаю я. Но он не кажется мне ни веселым, ни отчаянным. Быть может, потому, что сам я никогда не буду ни веселым, ни отчаянным, а мир проходит сквозь меня. Я устал, хочу спать и чтобы не снились плохие сны. И я уже забыл про космический корабль "Союз-6" над головой. Но я хочу верить, что другим достанутся и достаются кусочки весело-отчаянного мира. От веры в это мне легче жить.

Продолжаем работать полным ходом. Крупная зыбь от юго-запада. Удары тяжкие. Скорость упала до сорока трех миль за вахту. Лопнул кронштейн с сигнальными огнями на фор-брам-рее, болтается на проводе, высккивает, кому на голову свалиться. Мало шансов успеть в точку работы к назначенному сроку. Да, для скоростных гонок через океаны наш бывший лесовоз не годится. От каждого удара судно содрогается и корчится, как эпилептик. И над черным носом встают белыми привидениями фонтаны брызг до самых звезд.

– Фрам! – командую я "Невелю". Мне нравится звучание этого норвежского слова. Так Нансен назвал свое судно: "Вперед!" И Амундсен тоже прокатился на этом слове в Антарктиду. – Фрам!

Стоит только подумать, что зыбь стихает, как "Невель" сразу находит особенно здоровенную зыбину, втыкается в

нее, вздыбливается и этим заявляет, что категорически не согласен с предложением. При этом он еще поносит тебя своими корабельными словами – скрипами и грохотом. "Ну ладно, дружище, прости, я ошибся", – подхалимничаешь ты. И он идет некоторое время по волнам равномернее и плавнее. Вот они какие, эти пароходы. С ними тоже надо искать хитрый общий язык.

В космосе носятся уже три "Союза".

Космонавты Шаталов, Шонин, Кубасов, Филипченко, Волков, Горбатко, Елисеев чувствуют себя хорошо, кровяное давление и давление в кораблях нормальное, они уже передали привет народам Европы и передали наилучшие пожелания народу Соединенных Штатов. Утром они провели физическую зарядку, сопровождавшуюся медицинским контролем, затем позавтракали. Все это сообщило ТАСС. ТАСС не забыло и о нас. Мы, то есть научно-исследовательское судно Академии наук СССР "Невель", ведем непрерывную работу по приему и обработке информации, поступающей с борта космических кораблей, и поддерживаем постоянную связь с мужественными космонавтами. Короче говоря, мы вносим свой вклад в мировую научно-техническую революцию. И члены нашей экспедиции держат нос высоко.

Нам стало известно, что в небесах также занимаются астрономией. Один из "Союзов" имеет датчик автоматической ориентации по звездам, другие имеют секстаны. Мы качаем секстаны над мокрым океаном, космонавты, очевидно, над

искусственным горизонтом. Просочились слухи о том, что лампочка подсветки горизонта одного космического секстана перегорела. Бортинженеры беседовали в небесах о том, из какого другого прибора можно вывинтить эту проклятую лампочку, чтобы заменить перегоревшую. Все там происходит точь-в-точь как в нашей квартире или на экспедиционном судне "Невель".

К очередному витку выходим на крыло и дружно пялим глаза на полоску неба над горизонтом с той стороны, откуда должен вознестись "Союз" с двумя спящими героями. Несколько раз все синхронно вздрагиваем – это падают метеориты, они падают на наши натянутые нервы. Антенны вдруг тоже вздрагивают и начинают подниматься к зениту. Они "повели", а мы ничего не видим.

В роли комментатора выступаю я:

– Они там замаскировались. Флагман космической бригады Владимир Шаталов отдал приказ ввести светомаскировку, чтобы американцы их не увидели и не засекали.

– Этого не может быть, – сдержанно и снисходительно объясняет старший научный сотрудник. – Корабль светит отраженным солнечным светом, а высота двести километров...

Сотрудник упоен очередным рывком в космос, ему не до шуток. Токует, как глухарь на току.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.